

Ночной Охотник
Роберт Брындза

Детектив Эрика Фостер #2Новый мировой триллер

Летний вечер. Невыносимая жара. Следователя Эрику Фостер вызывают на место преступления. Молодой врач найден задушенным в собственной постели. Его запястья связаны, на голову надет пластиковый пакет, мертвые глаза вытаращены от боли и ужаса.

Несколькими днями позже обнаружен еще один труп... Эрика и ее команда приходят к выводу, что за преступлениями стоит педантичный серийный убийца, который долго выслеживает своих жертв, выбирая подходящий момент для нападения. Все убитые – холостые мужчины, которые вели очень замкнутую жизнь. Какие тайны окутывают их прошлое? И что связывает их с убийцей?

Эрика готова сделать все что угодно, чтобы остановить Ночного Охотника, прежде чем появятся новые жертвы,?– даже поставить под удар свою карьеру. Но Охотник следит не только за намеченными жертвами... Жизнь Эрики тоже под угрозой.

Роберт Брындза

Ночной Охотник

Посвящается Яну, Рики и Лоле

День благодатный, задремав, затих;
Мрак на добычу выслал слуг своих.

У. Шекспир. «Макбет»[1 - У. Шекспир. «Макбет». Акт III, сцена 2. Перевод М. Лозинского. – Здесь и далее примеч. пер.]

Robert Bryndza

THE NIGHT STALKER

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения Lorella Belli Literary Agency and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Ирины Новоселецкой

Оформление обложки Екатерины Фerez

Фото автора на обложке – © Gary Holmes

© Robert Bryndza, 2016

© Новоселецкая И., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Вечер на исходе июня выдался знойным и душным. По узкой тропинке бежал человек в черном – мчался бесшумно сквозь темноту, ногами едва касаясь земли, грациозно лавируя меж плотно стоящими деревьями и кустами, ловко подныривая под ветки. Словно по листве скользила бесплотная тень.

Вверху между кронами виднелась лишь тонкая полоска вечернего неба, в укрытом смогом мелколесье царила сумеречная мгла. Человек – маленький призрачный силуэт – резко остановился у бреши в кустах с правой стороны: собранный, запыхавшийся, с гулко бьющимся сердцем.

Округу осветил сине-белый луч. Это поезд, отправившийся в 19.39 к станции «Лондон-бридж», переключился с дизелей на электротягу, зацепившись металлическими лапами за проходившую поверху линию электропередачи. Тень пригнулась, пережидая, когда мимо прогрохочут освещенные вагоны. Еще две вспышки, и поезд исчез вдали. Узкая полоса мелколесья вновь погрузилась в темноту.

Тень снова сорвалась с места и беззвучно заскользила по тропинке, которая постепенно отклонялась от железнодорожных путей. Слева деревья начали редеть, открывая взору ряд стандартных домиков, построенных вдоль дороги. Мимо замелькали задние дворы – чистенькие темные участки с садовой мебелью, сараями для инвентаря и качелями, замершие в вязком вечернем воздухе.

Наконец показался тот самый дом. В викторианском стиле, как и все остальные в длинном ряду – трехэтажное здание из светлого кирпича, – но с большой стеклянной пристройкой на уровне первого этажа, которую владелец дома добавил к его заднему фасаду. Миниатюрная Тень про хозяина знала абсолютно все. Знала планировку дома. Знала распорядок дня хозяина. И – самое главное – знала, что сегодня вечером он будет в доме один.

Тень остановилась на краю сада. У проволочного ограждения, к которому подступала тропинка, стояло большое дерево. В одном месте в ствол врос металлический столбик, и складки древесины вгрызались в ржавую подпорку, словно огромный беззубый рот. Разлапистая крона в ореоле густой листвы раскинула свои ветви во

всех направлениях, заслоняя от дома железную дорогу. Несколько дней назад, вечером, Тень, пробравшись к дому тем же путем, аккуратно подрезала по краям участок проволочного ограждения и затем приставила его на место. Теперь проволочная сетка легко отгибалась. Пригнувшись, Тень пролезла в дыру. Трава была сухая, земля растрескалась: дождя не было уже несколько недель. Тень под деревом выпрямилась во весь рост и метнулась к дому, словно черный сгусток прокатился по газону.

Кондиционер, вмонтированный в заднюю стену, громко урчал, заглушая тихий хруст шагов по гравию, что покрывал узкую дорожку, отделявшую стеклянную пристройку от соседнего дома. Тень добралась до низкого подъемного окна и пригнулась под широким карнизом. Освещенное окно отбрасывало желтое квадратное пятно на кирпичную стену соседнего дома. Натянув на голову капюшон спортивной кофты, Тень осторожно приподняла лицо над широким карнизом и заглянула в окно.

В доме находился высокий статный мужчина лет тридцати пяти. В брюках песочного цвета и белой рубашке с закатанными рукавами, он расхаживал по просторной кухне открытой планировки. Достал из шкафа бокал, налил красного вина, отпил большой глоток, плеснул еще. На столе стоял лоток с готовым ужином из магазина. Мужчина вытащил его из картонной упаковки, штопором поддел пластиковую крышку.

Тень захлестнула ненависть. Зная, что сейчас произойдет с этим человеком, она испытывала пьянящее чувство, наблюдая за ним.

Мужчина запрограммировал микроволновку и поставил в нее лоток с ужином. Раздался сигнал, цифры на дисплее замелькали в обратном порядке.

Шесть минут.

Глотнув из бокала вина, мужчина вышел из кухни. Спустя мгновения зажегся свет в окне ванной, находившемся прямо над тем местом, где притаилась Тень. Окно чуть приоткрылось, взвизгнул кран, заработал душ.

Тень за окном, слыша, как в груди грохочет сердце, быстро принялась за дело: расстегнула поясной кошелек, достала маленькую плоскую отвертку и просунула ее в щель между рамой и карнизом. Чуть поднадавила, и окно поддалось, плавно приподнявшись вверх. Тень скользнула в образовавшийся проем. Наконец-то. Несколько лет тщательного планирования, мук и сомнений...

Четыре минуты.

Тень шагнула на кухню, подскочила к столу и, вытащив маленький пластмассовый шприц, впрыснула в бокал с красным вином прозрачную жидкость. Затем осторожно взболтала вино и снова поставила бокал на стол с черной гранитной поверхностью.

С минуту Тень стояла, прислушиваясь, наслаждаясь прохладой из кондиционера. Черная гранитная столешница искрилась в свете ламп.

Три минуты.

Тень быстро прошла через кухню, мимо деревянных перил у подножия лестницы и нырнула в темный угол за дверь гостиной. Мгновением позже по лестнице стал спускаться мужчина. Его наготу прикрывало лишь полотенце. Микроволновка три раза громко пикнула, оповещая о том, что ужин подогрет. Босоногий мужчина прошлепал мимо. Тень уловила запах чистого тела, потом услышала звяканье доставаемых из выдвижного ящика столовых приборов и царапанье ножек стула по деревянному полу. Мужчина сел ужинать.

Протяжно выдохнув, Тень выступила из темноты и бесшумно поднялась по лестнице на верхний этаж.

Чтобы наблюдать.

Чтобы ждать.

Чтобы привести в исполнение план долгожданной мести.

Глава 2

Четыре дня спустя

На тихой улице в южной части Лондона было душно и влажно. В оранжевом сиянии уличного фонаря, освещавшего типовые домики, что стояли в ряд вдоль дороги, роились мошки. Эстель Манро ковыляла по тротуару, еле тащилась из-за артрита. Возле фонаря она сошла с тротуара на проезжую часть. Переступая через бордюр, Эстель издала страдальческий стон, но боязнь мотыльков возобладала над болью в пораженных артритом коленях.

Эстель протиснулась между двумя припаркованными машинами и вышла чуть ли не на середину дороги, обходя уличный фонарь. От асфальтового покрытия исходил жар, накопившийся от солнца за день. Зной держался уже вторую неделю, мучая всех жителей Лондона и юго-восточной Англии, и сердце Эстель, как и тысяч других людей, выражало свой протест. Где-то вдалеке, словно отзываясь на ее мысли, завывала сирена «скорой помощи». Два следующих уличных фонаря, слава богу, были разбиты, и Эстель, протиснувшись меж двумя другими припаркованными машинами, благополучно вернулась на тротуар.

Она сама вызвалась кормить кошку своего сына Грегори в его отсутствие. Кошек Эстель не любила и услуги свои предложила лишь затем, чтобы разнюхать, как поживает ее сын с тех пор, как от него ушла жена Пенни, забрав с собой пятилетнего Питера, внука Эстель.

И вот, наконец, запыхавшаяся, потная, она остановилась у калитки перед домом Грегори – самым красивым на всей улице, на ее взгляд. Эстель вытащила из-под лямки бюстгалтера большой носовой платок и промокнула с лица пот.

По стеклянной двери струились отблески уличного фонаря. Эстель достала ключ, отперла дверь и неохотно ступила через порог, прямо на письма, что лежали на коврике. В лицо ударила волна удушающе жаркого воздуха. Она щелкнула выключателем у двери, но свет не зажегся.

– Черт, опять, – буркнула Эстель, закрывая за собой дверь. Подбирая в темноте почту, она вдруг подумала, что за время отсутствия Грегори электричество в его доме отключается уже в третий раз. Один раз замкнуло из-за аквариумного освещения, в другой раз Пенни забыла выключить свет в ванной, и лампочка лопнула.

Эстель выудила из сумки мобильный телефон и узловатыми пальцами неловко разблокировала дисплей, который отбросил неяркий круг света на пол в нескольких шагах перед ней, озарив светлый ковер и стены узкого коридора. Она вздрогнула, заметив свое призрачное отражение в большом зеркале, висевшем слева от нее. Тусклый свет придавал лилиям на ее блузке без рукавов ядовитый чернильный оттенок. Эстель направила светящийся экран телефона на ковер перед собой, прошаркала к гостиной и стала нащупывать выключатель на стене – хотела убедиться, что это не лампочка в коридоре перегорела. Щелкнула выключателем туда-сюда. Свет не зажегся.

Потом дисплей погас, и Эстель окутал крошечный мрак. Тишину дома нарушал лишь присвист ее тяжелого дыхания. Она запаниковала, судорожно пытаясь разблокировать телефон. Поначалу скрюченные пальцы не повиновались, но в конце концов ей удалось отключить блокировку, и экран снова засветился, озарив гостиную мглистым голубым сиянием.

В доме стояла жуткая духота; жара стискивала ее, забивалась в уши. Словно находишься под водой. В воздухе мельтешили пылинки. Над большим декоративным фарфоровым блюдом с коричневыми деревянными мячиками, что стояло на журнальном столике, плавно кружило облако мошек.

– Просто пробки выбило! – сердито воскликнула Эстель. Ее голос резко отрикошетил от железного камина. Ей было досадно, что она паникует. В доме выбило автомат, вот и все. И чтобы доказать самой себе, что бояться нечего, сначала она выпьет холодной воды, а потом включит автомат. Эстель повернулась и, держа на вытянутой руке телефон, решительно заковыляла на кухню.

В тусклом сиянии дисплея стеклянная кухня, простиравшаяся в сад, походила на пещеру. Эстель казалось, что она вся на виду, и оттого чувствовала себя незащищенной. По железной дороге, проходившей недалеко от сада, со свистом и клацаньем пронесся поезд. Эстель подошла к буфету, достала стеклянный бокал. В глазах щипало от затекавших в них капель пота. Ладонью она вытерла лицо, подошла к раковине, наполнила бокал и, морщась, выпила теплую воду.

Экран телефона снова погас. Тишину разрубил грохот, раздавшийся на верхнем этаже. Эстель выронила бокал. Тот разбился, осколками усыпав деревянный пол. У нее участился пульс, сердце заходило в груди. Стоя в темноте, она прислушалась. Сверху донесся шорох. Эстель схватила со стола скалку, стоявшую в горшке с утварью, и подошла к подножию лестницы.

– Кто здесь? У меня газовый баллончик, и я набираю «999»! – крикнула она в темноту.

Ответом ей было молчание. Гнетущая жара становилась невыносимой. У Эстель пропала всякая охота обследовать жилище сына. Ей хотелось одного – вернуться в свой уютный светлый дом, сесть перед телевизором и смотреть лучшие моменты матчей Уимблдонского турнира.

Что-то выскочило из темноты наверху и помчалось по лестнице прямо на нее. Эстель в ужасе попятилась, едва не выронив телефон. Потом увидела, что это кошка. Та остановилась и стала тереться об ее ноги.

– Ах негодница, как же ты меня напугала! – Эстель вздохнула с облегчением, сердце забило ровнее. С верхней площадки лестницы исходил смердящий запах. – Этого мне только не хватало. Нагадила там, да? Для тебя же приготовлен специальный лоток, да и на улицу могла бы выйти через свою дверцу.

Кошка равнодушно смотрела на Эстель. В кои-то веки она была рада ее присутствию.

– Пойдем, покормлю.

Эстель направилась к стенному шкафу под лестницей. Кошка следовала за ней, и ее это успокаивало. Животное терлось об ее ноги, пока она искала электрощиток. Открыв его маленькую пластиковую крышку, Эстель увидела, что выключен основной рубильник. Странно. Она щелкнула автоматом, и коридор наполнился светом. Где-то в доме пикнуло, зажужжал кондиционер.

Эстель вернулась на кухню, включила свет и в огромных окнах увидела отражение комнаты и свое собственное. Кошка запрыгнула на стол, с любопытством наблюдая, как она сметает осколки разбитого бокала. Управившись со стеклом, Эстель вскрыла упаковку с кошачьим кормом и выложила его на блюдце, которое поставила на каменный кухонный пол. Кондиционер быстро охлаждал дом. С минуту она постояла под потоком прохладного воздуха, глядя, как кошка маленьким розовым язычком изящно лижет и кусает желеобразный кубик.

Кондиционер гонял воздух по дому, и зловоние усиливалось, добираясь до кухни. Кошка звонко зацокала языком по пустому блюдцу, долизывая остатки корма, затем метнулась к стеклянной стене и нырнула в кошачью дверцу.

– Поела и убежала. А мне теперь убирать, – пробурчала Эстель. Она взяла тряпку, старую газету, прошла к лестнице и стала медленно взбираться наверх, преодолевая боль в коленях. Чем выше она поднималась, тем сильнее ощущала жару и смрад. Наконец она ступила на ярко освещенную лестничную площадку и принялась методично обыскивать все помещения: проверила пустую ванную, комнату для гостей, заглянула под стол в небольшом кабинете. Кошачьих «сюрпризов» нигде не было видно.

Возле спальни вообще стало трудно дышать от вони, которая застревала в горле. Ничто не пахнет так отвратительно, как кошачьи испражнения, подумала Эстель.

Она вошла в спальню, зажгла свет. По комнате с заунывным жужжанием летали мухи. На двуспальной кровати лежало темно-синее пуховое одеяло, а на нем на спине голый человек с полиэтиленовым пакетом на голове. Его руки были привязаны к изголовью, открытые глаза под прозрачной пленкой вылезали из орбит. Эстель не сразу его узнала.

Это был Грегори.

Ее сын.

А потом она сделала то, чего не делала много лет.

Издала душераздирающий крик.

Глава 3

Старший инспектор Фостер давно не бывала на столь неприятном ужине. Хозяин дома, Айзек Стронг, открыл посудомоечную машину и принялся загружать в нее тарелки и столовые приборы. Неловкое молчание нарушало только жужжание стоявшего в углу электровентилятора, толку от которого было немного: он лишь гонял по кухне теплый воздух.

– Спасибо. Лазанья получилась изумительная, – похвалила Эрика, когда Айзек стал забирать у нее грязную тарелку.

– Я для соуса бешамель использовал полужирные сливки, – объяснил он. – Заметила?

– Нет.

Айзек вернулся к посудомоечной машине, а Эрика обвела взглядом кухню, оформленную элегантно, в стиле французской рустики: расписанные вручную белые шкафы, рабочие поверхности из светлого дерева, массивная белая керамическая мойка. Эрика решила, что Айзек, будучи судмедэкспертом, наверно, умышленно не использовал в интерьере кухни металл. Ее взгляд упал на бывшего возлюбленного Айзека, Стивена Линли. Тот сидел за большим кухонным столом напротив Эрики и, поджав губы, наблюдал за ней с подозрением. Он был моложе Эрики и Айзека. Она предположила, что ему, должно быть, лет тридцать пять. Рослый красивый Адонис, но с хитрецей в чертах, что Эрику настораживало. Чтобы умаслить его, она заставила себя улыбнуться, затем глотнула вина, думая, что надо бы что-нибудь сказать. Затянувшееся молчание у всех вызывало дискомфорт.

Обычно, когда она ужинала с Айзеком, такого не случалось. За минувший год они несколько раз делили трапезу в его уютной французской кухне. За столом они смеялись, откровенничали. Эрика чувствовала, что между ними крепнет дружба. Айзеку, более чем кому-либо, она сумела рассказать о своих переживаниях в связи со смертью мужа Марка, скончавшегося менее двух лет назад. А он, в свою очередь, поведал ей о собственной личной драме – о том, что потерял любовь всей своей жизни, Стивена.

Правда, если Марк трагически погиб при исполнении служебного долга во время рейда по захвату нарколаборатории, то Стивен разбил сердце Айзеку, бросив его ради другого мужчины.

Вот почему присутствие Стивена в доме Айзека, когда она пришла к нему в гости сегодня вечером, стало для нее сюрпризом. Впрочем, даже не столько сюрпризом...

Ощущение было такое, что она угодила в западню.

В Великобритании Эрика жила уже более двадцати пяти лет, но сейчас она жалела, что этот ужин проходит не в ее родной Словакии. В Словакии народ более прямодушный.

Что за подстава? Почему не предупредил?! Почему не сообщил, что здесь будет твой придурочный бывший? Ты рехнулся, снова впустив его в свою жизнь после того, как он с тобой поступил?

Ей хотелось закричать от досады, когда она вошла в кухню и увидела, что Стивен, в шортах и футболке, сидит там в томной позе. Эрике было неловко, но правила английской вежливости требовали, чтобы они постарались сгладить несуразность ситуации, притворяясь, будто все так, как должно быть.

– Кому кофе? – предложил Айзек, закрывая посудомоечную машину и поворачиваясь к ним. Рослый красивый мужчина, свои густые темные волосы он зачесывал назад, открывая высокий лоб. Над большими карими глазами – тонкие линии выщипанных бровей, которые могли изгибаться или сдвигаться, выражая разнообразные оттенки его иронии. Сегодня, правда, он не знал, куда себя деть от смущения.

Стивен, болтая в бокале белое вино, перевел взгляд с Эрики на Айзека.

– Кофе? Уже? Айзек, еще только восемь, и жара несусветная. Лучше еще вина открой.

– Нет, я за кофе. Спасибо, – сказала Эрика.

– Если кофе собрались пить, тогда уж машину заряди, – распорядился Стивен и по-хозяйски добавил: – Он тебе говорил? Это я ему Nespresso купил. Стоит бешеные деньги. Почти весь свой аванс за последнюю книгу потратил.

Улыбнувшись из вежливости, Эрика взяла жареный миндаль из чашки, что стояла в центре стола. Тишину кухни огласил хруст орешка. За ужином, проходившим в атмосфере неловкости, в основном говорил Стивен, рассказывая им во всех подробностях о своем новом детективном романе, над которым он теперь работал. Без капли смущения он разглагольствовал о тонкостях судебной медицины, что, на взгляд Эрики, было по меньшей мере бестактно, если учесть, что Айзек считался одним из ведущих судмедэкспертов в стране, да и сама Эрика, как старший инспектор Столичной полиции, успешно раскрыла не одно убийство в реальном мире.

Айзек, готовя кофе, включил радио. В кухне зазвучала песня Like a Prayer в исполнении Мадонны.

– Сделай громче! – попросил Стивен. – Обожаю Мэдж.

– Лучше послушаем что-то более мягкое, – сказал Айзек. Он стал перебирать радиостанции, пока визгливый голос Мадонны не сменил благозвучный плач скрипок.

– А еще гей называется, – фыркнул Стивен, закатывая глаза к потолку.

– Стиви, просто, по-моему, сейчас уместнее что-то не столь задорное, – объяснил Айзек.

– Господи помилуй. Нам же не по восемьдесят лет! Давайте веселиться. Чем ты хочешь заняться, Эрика? Как ты развлекаешься?

Стивен, на взгляд Эрики, был полон противоречий. Одевался он как самый настоящий натурал – подобно американским спортсменам из «Лиги плюща», – но в его движениях сквозила жеманность. Сейчас, в ожидании ответа, он сидел нога на ногу, поджав губы.

– Пожалуй... пойду выкурю сигарету, – промолвила Эрика, протягивая руку к своей сумке.

– Дверь наверху не заперта, – сообщил Айзек, виновато взглянув на нее. Она натянуто улыбнулась и покинула кухню.

Айзек жил в доме, расположенном в Блэкхите, близ Гринвича. В спальне для гостей имелся небольшой балкон. Эрика открыла стеклянную дверь, вышла на балкон, закурила и выпустила дым в темное небо. Было жарко. Летний вечер выдался ясным, но свет звезд едва пробивался сквозь марево смога, висевшего над городом. Вытягивая шею, Эрика проследила за направлением лазерного луча Гринвичской обсерватории, который терялся в вышине среди звезд. Она снова глубоко затянулась сигаретой. Внизу в темном саду пели сверчки. Их стрекот сливался с гудением транспорта на проходившей неподалеку оживленной автомагистрали.

Может, она слишком строго судит Айзека за то, что он снова сошелся со Стивеном? Неужели в ней говорит ревность, ведь теперь ее единственный друг больше не один? Нет. Она желает Айзеку добра, а Стивен Линли – ядовитая особь. Ей с грустью подумалось, что теперь, возможно, в жизни Айзека не найдется места для них обоих – для нее и Стивена.

Эрика представила маленькую, скудно обставленную квартирку, которую она силилась называть своим домом; ночи, которые она проводила в одиночестве в постели, глядя в темноту. С Марком ее связывали не только супружеские отношения. Они были коллегами, работали вместе в полиции Манчестера, куда поступили на службу, когда обоим было едва за двадцать. Эрика там слыла восходящей звездой, быстро дослужилась до должности старшего инспектора, значительно выше, чем та, которую занимал Марк. И за это муж любил ее еще больше.

Потом – теперь уже почти два года назад – отряд полиции под руководством Эрики проводил злополучную операцию по захвату нарколаборатории, в ходе которой погибли Марк и еще четверо сотрудников. С тех пор, одолеваемая горем и чувством вины, которые порой становились невыносимы, она старалась научиться жить без мужа. Приехала в Лондон, чтобы начать новую жизнь. Для нее это стало суровым испытанием. Но работа в Отделе по расследованию убийств и тяжких преступлений – единственное, во что ей удавалось вкладывать силы. Однако если раньше она считалась перспективным сотрудником полиции, то теперь на ней лежало клеймо, ее карьерный рост застопорился. Прямолинейный, преданный своему делу блестящий офицер, который не терпит дураков, она не тратила время на интриги и постоянно конфликтовала с начальством, наживая себе могущественных врагов.

Эрика закурила новую сигарету, подумывая о том, чтобы извиниться и уйти. Внезапно стеклянная дверь за ее спиной отворилась. Сначала показалась голова Айзека, потом он шагнул на балкон.

– Я бы тоже покурил. – Айзек закрыл дверь и подошел к тому месту у перил, где стояла Эрика. Улыбнувшись, она протянула ему пачку. Он выудил одну сигарету длинными изящными пальцами и наклонился, прикуривая от ее зажигалки.

– Прости, испортил вечер. – Айзек выпрямился, выпуская изо рта дым.

– Это твоя жизнь, – заметила Эрика. – Но мог бы и предупредить.

– Да как-то быстро все произошло. Он заявился с утра, и мы весь день болтали и... даже не знаю, как бы поточнее сказать. В общем, отменять что-либо было поздно, да я и не хотел.

Он явно нервничал.

– Айзек, ты не обязан ничего объяснять. Хотя на твоём месте в качестве причины я назвала бы страсть. Ты сгорал от страсти. И это куда простительнее.

– Стивен – сложный человек, я понимаю, но когда мы вдвоем, он совсем другой. Ранимый, чувствительный. Думаешь, если я поведу себя правильно, установлю определенные рамки, на этот раз у нас с ним что-то получится?

– Возможно... По крайней мере, второй раз он тебя уже убить не сможет, – сыронизировала Эрика.

В одном из своих романов Стивен вывел Айзека в образе одного из персонажей – тоже судмедэксперта и гея, который под его пером погиб в весьма красочно описанной драке.

– Я же серьезно. Скажи, что мне делать? – спросил Айзек с тревогой во взгляде.

Эрика со вздохом взяла его руку в свои ладони.

– Тебе вряд ли понравится то, что я думаю. А я не хочу терять друга.

– Эрика, я ценю твое мнение. Пожалуйста, скажи, что мне делать...

Стеклянная дверь со скрипом отворилась. На балкон вышел Стивен. Он был босиком, в руке держал полный бокал виски со льдом.

– Скажи ему, что делать? По поводу чего? – раздраженно поинтересовался он.

Неловкое молчание нарушило пиканье, оповещавшее о том, что поступило сообщение на телефон Эрики, который лежал у нее в сумке. Она достала телефон и, хмурясь, прочитала сообщение.

– Что-то случилось? – спросил Айзек.

– В доме на Лорел-роуд в районе Онор-Оук-Парк обнаружено тело белого мужчины. Смерть наступила при подозрительных обстоятельствах, – объяснила Эрика, добавив: – Черт, я не на машине. На такси приехала.

– Вам понадобится судмедэксперт. Поедем вместе на моей? – предложил Айзек.

– А я думал, у тебя свободный вечер? – возмутился Стивен.

– Я всегда на службе, Стиви, – ответил Айзек. Было видно, что ему не терпится уехать.

– Ладно, тогда помчали, – сказала Эрика и, не удержавшись, заметила Стивену: – Похоже, кофе из твоей машины придется попробовать в другой раз.

Глава 4

Полчаса спустя Эрика с Айзеком подъехали к дому на Лорел-роуд. Про неудавшийся ужин они теперь и не вспоминали. Участок дороги перед домом был перетянут лентами ограждения в обоих направлениях. Оцепление также обеспечивали автомобили: полицейский фургон, патрульные машины и «скорая помощь». Блики их синих мигающих огней плясали на домах, что тянулись в ряд вдоль улицы. В окнах и дверях некоторых из них стояли жители, с интересом наблюдавшие за происходящим.

Они остановились в сотне ярдов от полицейского кордона, и к ним тут же направилась инспектор Мосс, одна из тех коллег Эрики, с которыми у нее установились наиболее доверительные отношения. Невысокая полноватая женщина, она обливалась потом на жаре, хотя одета была в юбку до колен и тонкую блузку. Свои рыжие волосы она убрала с лица, усыпанного веснушками, густое скопление которых под одним ее глазом по форме напоминало слезу. Однако, несмотря ни на что, вид у нее был жизнерадостный. Она насмешливо улыбнулась Эрике и Айзеку, подойдя к их машине.

– Босс, доктор Стронг, добрый вечер.

– Добрый вечер, Мосс, – поздоровался Айзек.

– Привет. Кто все эти люди? – спросила Эрика, когда они приблизились к ленте полицейского ограждения, у которой собралась небольшая толпа усталых мужчин и женщин.

– Местные жители. Вернулись домой из центра Лондона и увидели, что их улица превратилась в место преступления, – ответила Мосс.

– Но я здесь живу, вон там, – настаивал один мужчина, портфелем показывая на дом, что стоял через два здания от того, где был обнаружен труп. Его изможденное лицо покраснелось, редущие волосы прилипли к голове. Когда Мосс, Эрика и Айзек поравнялись с ним у ленты ограждения, он обратил на них взгляд, надеясь услышать более приятные новости.

– Старший инспектор Фостер, руководитель следственной группы. Это – доктор Стронг, наш судмедэксперт. – Эрика показала удостоверение полицейскому. – Свяжитесь с муниципалитетом. Пусть организуют ночлег для этих людей.

– Слушаюсь, мэм. – Полицейский отметил их в списке, и они поднырнули под ленту, игнорируя протесты местных жителей, которых не радовала перспектива провести ночь на походных кроватях.

..Дверь дома № 14 по улице Лорел-роуд была широко распахнута. В ярко освещенном коридоре работали криминалисты в синих комбинезонах и масках. Эрика, Айзек и Мосс, получив спецодежду, принялись облачаться в нее на гравийном пятачке в

крошечном палисаде.

– Труп наверху, в спальне, – сообщила Мосс. – Мать жертвы пришла сюда, чтобы покормить кошку. Думала, сын отдыхает на юге Франции, но, как вам предстоит убедиться, до аэропорта он так и не доехал.

– Где сейчас его мать? – спросила Эрика, надевая комбинезон.

– Ей стало плохо, не вынесла потрясения и жары. Один из наших повез ее в Луишемскую университетскую больницу. Когда придет в себя, нужно будет взять у нее показания, – сказала Мосс, застегивая комбинезон.

– Дайте мне несколько минут. Осмотрю место преступления. – Айзек нахлобучил капюшон своего комбинезона. Эрика кивнула, и он вошел в дом.

?/?

Из-за жары, скопления людей и яркого освещения температура в спальне на верхнем этаже поднималась выше сорока градусов. Айзек и его команда из трех помощников и фотографа профессионально делали свое дело, сохраняя почтительное молчание.

Погибший, высокий мужчина спортивного телосложения, лежал голый на спине на двуспальной кровати. Руки были привязаны к спинке изголовья тонкой веревкой, которая врезалась в запястья, ноги раздвинуты, вывернуты носками наружу. На голову надет прозрачный полиэтиленовый пакет, на лице застыла чудовищная гримаса.

Осматривать нагие трупы Эрике всегда было гораздо тяжелее. Смерть сама по себе непристойное зрелище, а жертва, раздетая догола, производит особенно гнетущее впечатление. Она с трудом сдерживала порыв накрыть простыней нижнюю часть его тела.

– Погибший – доктор Грегори Манро, сорока шести лет, – доложила Мосс, когда они встали вокруг кровати. Широко раскрытые карие глаза мужчины были на удивление ясными под полиэтиленовой пленкой, но язык уже начал взбухать и торчал изо рта.

– Что за доктор? – уточнила Эрика.

– Местный терапевт. Владелец клиники «Хиллтоп» на Крофтон-Парк-роуд, – ответила Мосс. Эрика глянула на Айзека. Тот стоял с другой стороны кровати, осматривая тело.

– Можешь назвать причину смерти? – спросила Эрика. – Полагаю, асфиксия, но...

Айзек снял пакет с головы жертвы, и подбородок мужчины упал на его голую грудь.

– Все указывает на асфиксию, но я должен убедиться, что пакет ему на голову натянули не после смерти.

– Смерть по неосторожности во время сексуальных игр? Аутоасфиксия? – предположила Мосс.

– Гипотетически, да. Но нельзя исключать и умышленное нарушение правил.

– Время смерти? – с надеждой в голосе спросила Эрика. Под комбинезоном с нее градом лил пот.

– Не торопись, – сказал Айзек. – Точное время смерти я смогу назвать только после более тщательного обследования и вскрытия. Сильная жара и холод замедляют процесс разложения. При высокой температуре воздуха, как в этой комнате, труп высыхает. Видно, что тело уже начало менять цвет. – Он показал на область живота, где на коже расплывались зеленоватые пятна. – Это свидетельствует о том, что он находится здесь уже несколько дней, но, как я сказал, необходимо произвести вскрытие.

Эрика обвела взглядом комнату. Вдоль стены, что начиналась от двери, стоял длинный платяной шкаф из массивного дерева. В углублении эркерного окна она увидела туалетный столик с зеркалом из того же гарнитура, слева от окна – высокий комод. Все поверхности были абсолютно пустыми – ни книг, ни декоративных вещей, ни какого-либо хлама, который обычно скапливается в спальне. Чистота и порядок. Слишком идеальный порядок.

– Он был женат? – спросила Эрика.

– Да. Но жена с ним не живет. Они расстались несколько месяцев назад, – ответила Мосс.

– Слишком опрятно здесь для мужчины, который недавно стал холостяком, – заметила Эрика. – Если только это убийца не навел порядок, – добавила она.

– Что? Пропылесосил и смылся? – хмыкнула Мосс. – Хоть бы ко мне заглянул. Видели бы вы мое жилище.

Эрика заметила, что двое из криминалистов, обследовавших труп, несмотря на жару, подавили улыбки.

– Мосс, шуточки сейчас не к месту.

– Простите, босс.

– Думаю, руки ему связали уже после наступления смерти, – заключил Айзек. Работая в латексных перчатках, он пальцем осторожно показал на область запястья. Кожа на подмышках натянулась белыми полосами, меж которыми проступали участки воскового цвета. – На запястьях почти нет ссадин.

– То есть он уже был в постели, когда на него напали? – спросила Эрика.

– Возможно, – ответил Айзек.

– Одежда нигде не валяется. Наверно, он, как обычно, разделся, готовясь ко сну, одежду аккуратно сложил и убрал, – рассудила Мосс.

– Значит, кто-то мог прятаться под кроватью или в шкафу, либо проник через окно? – спросила Эрика, смаргивая с ресниц пот, который струился по лбу и затекал в глаза.

– Это уж вам выяснять, – сказал Айзек.

– Ну да. Кому же еще, – буркнула Эрика.

?/?

Эрика и Мосс спустились вниз, в жилое помещение открытой планировки, где работала команда криминалистов, обследовавшая весь остальной дом. Один из криминалистов направился к ним. Эрика видела его впервые. Ему было едва за тридцать. Красивое лицо, высокий нордический лоб. В белокурых волосах блестели капельки пота. Подойдя к Эрике, он поднял голову, только теперь сообразив, какая она дылда – более шести футов ростом.

– Старший инспектор Фостер? Нилз Акерман, руководитель группы криминалистов, – представился он. В его безупречном английском слышался едва уловимый шведский акцент.

– Новенький? – поинтересовалась Мосс.

– В Лондоне? Да. А с убийствами и увечьями не раз имел дело. – Нилз обладал приятной красивой внешностью. Как и многие, кто ежедневно сталкивается со смертью и трагедиями, он держался с почтительной отстраненностью, оценивая происходящее с мрачным юмором.

– Рада знакомству, – сказала Эрика. Они обменялись рукопожатием, щелкнув латексными перчатками, что были на них.

– Что вам уже известно? – спросил Нилз.

– Рассказывайте все по порядку, – распорядилась Эрика.

– Ладно. Мать погибшего явилась сюда в семь тридцать, чтобы накормить кошку. У нее свой ключ от дома. Электричество было полностью отключено. И видимо, уже несколько дней. Все продукты в холодильнике и морозилке протухли.

Эрика окинула взглядом большой холодильник металлического цвета, на который магнитиками были прикреплены два ярких детских рисунка, сделанных пальцами.

– Интернет и телефон тоже были отключены, – добавил Нилз.

– Из-за неуплаты? – спросила Эрика.

– Нет. Интернетный провод был выдернут. – Нилз подошел к кухонному столу и взял прозрачный пакет, в котором лежали два куска провода. Один был подсоединен к небольшому модему. Нилз показал еще один пакет. – А это мобильный телефон жертвы. SIM-карта и батарея отсутствуют.

– Где его нашли? – спросила Эрика.

– На прикроватной тумбочке. Был подсоединен к зарядному устройству, вставленному в розетку.

– Другие телефоны в доме есть?

– Только стационарный на нижнем этаже.

– То есть убийца извлек SIM-карту и батарейку уже после того, как телефон поставили заряжаться? – уточнила Мосс.

– Возможно, – кивнул Нилз.

– Так, погодите, – вмешалась Эрика. – На прикроватной тумбочке еще что-нибудь лежало? Спальня на вид совершенно голая.

– Кроме телефона – ничего, – ответил Нилз. – Правда, в выдвижном ящике тумбочки мы нашли вот это. – Он поднял еще один прозрачный пакет с четырьмя порножурналами для геев. Это были номера Black Inches, Ebony и Latino Males.

– Он был гей? – спросила Эрика.

– И женат, – добавила Мосс.

– Напомните – сколько ему было?

– Сорок шесть, – ответила Мосс. – С женой расстался. Но журналы старые. Вон, видите, 2001 года. Зачем бы он стал держать их здесь?

– То есть журналы эти были спрятаны, а сам он тайный гей? – уточнила Эрика.

– Может быть, они годами лежали где-нибудь в укромном уголке. Может быть, он достал их с чердака, когда его брак распался, – предположил Нилз.

– Слишком много «может быть», на мой вкус, – заметила Эрика.

– На кухонном «островке» мы нашли упаковку от лазаньи, которую нужно разогревать в микроволновке. Сама лазанья лежала на тарелке, рядом стояли пустой бокал и полбутылки красного вина. Все это мы отправим на экспертизу, – доложил Нилз. – И хочу показать вам кое-что еще.

Он повел их через просторную кухню, мимо большого продавленного дивана, на котором виднелись отметины от фломастера и огромное чайное пятно. Между диваном и стеклянной стеной, за которой начинался сад, стоял полный ящик с игрушками. Стекло было задвинуто, и они ступили на деревянный настил террасы. Эрика обрадовалась, что на улице хоть чуть-чуть прохладнее. Яркие огни заливали задний двор, который простирался до мглистой гущи деревьев, где несколько человек в комбинезонах ползали на карачках, обследуя траву.

По узкой гравийной дорожке они пошли назад вдоль стеклянной стены и остановились у подъемного окна, которое находилось на уровне кухонной мойки. Из водостока внизу исходил мерзкий тошнотворный запах.

– Мы сняли отпечатки с окна, водосточных труб и окна соседнего дома, – сказал Нилз. – Ничего. Правда, обнаружили вот это. – Он обратил их внимание на основание оконной рамы, выкрашенной в белый цвет. – Видите вот здесь, в дереве? – Один его палец в латексе – он по-прежнему был в резиновых перчатках – завис над маленькой квадратной вмятиной в слое глянцевої краски, которая была не более полусантиметра шириной. – Окно открыли с помощью тупого плоского инструмента, возможно, отвертки.

– Когда вы прибыли, это окно было закрыто? – спросила Эрика.

– Да.

– Отличная работа, – заметила она, разглядывая крошечную вмятинку в слое краски. – Удалось снять с гравия отпечатки каких-нибудь следов?

– На гравии остались слабые следы, возможно, от ног небольшого размера, но слепки сделать не получилось. А теперь давайте вернемся в дом, – предложил Нилз. Они последовали за ним вокруг дома, шагнули на кухню через стеклянные двери и прошли к подъемному окну.

– Смотрите, вот здесь должны быть оконные блокираторы. – Нилз показал на две маленькие дырочки по обеим сторонам оконной рамы.

– Что они собой представляют? – спросила Мосс.

– Два маленьких пластмассовых крючка с пружинным механизмом с внутренней стороны окна, приделываются к верхней раме. Препятствуют принудительному поднятию нижней рамы извне. Так вот – их сняли.

– Эти блокираторы мог снять сам Грегори Манро? – спросила Эрика.

– Нет, если он не хотел, чтобы в дом забрались грабители, а я думаю, он этого не хотел. Дом оборудован суперсовременной охранной системой. На заднем дворе установлены датчики на движение. Когда вырубил электричество, должна была сработать сигнализация – это их основная функция. Однако ничего не произошло.

– Значит, убийца, кто бы он ни был, снял с окна блокираторы и знал код охранной сигнализации? – заключила Эрика.

– Теоретически да, – подтвердил Нилз. – Есть еще кое-что. – Он снова вывел их во двор через стеклянные двери. Дойдя до края сада, они остановились под деревом и наклонились, разглядывая лаз в проволочном ограждении.

– За садом проходит железная дорога и простирается парк Онор-Оук, – сказал Нилз. – Думаю, убийца проник на территорию дома вот через этот лаз. Проволока в заборе обрезана кусачками.

– Блин, – ругнулась Мосс. – И кто, по-вашему, это сделал, черт возьми?

– Нужно узнать как можно больше об этом докторе Грегори Манро, – сказала Эрика, глядя на дом. – Тогда и получим ответы на наши вопросы.

Глава 5

В скромном домике под лестницей восседал на большой скрипучей подставке на колесиках старенький настольный компьютер. На экране высочила домашняя страница чата. Прimitивная, без всякой забубенной графики. Традиционные чаты контролировались модераторами, но этот размещался на периферии Интернета, где тусовалась всякая нечисть.

Компьютер пикнул, на экране всплыло имя пользователя по прозвищу Герцог, который начал печатать.

ГЕРЦОГ: Кто-нибудь не спит?

Пальцы, радуясь возможности общения, быстро забегали по клавиатуре.

СОВА: Герцог, я всегда бодрствую.

ГЕРЦОГ: Где пропадала, Сова?

СОВА: Дела. Три дня глаз не смыкаю. Почти личный рекорд.

ГЕРЦОГ: Мой рекорд – четыре. Но оно того стоит. Офигенно шикарные глюки. Голые девочки. Как наяву ***зашибись***

СОВА: Ха! У меня таких приятных грез не бывает. Не выношу яркого света, глаза режет... С другой стороны, в сумраке тени как будто оживают. Пустые безглазые лица наблюдают за мной уголками моих глаз. И я вижу его.

ГЕРЦОГ: Что, сильно достает?

СОВА: Привыкла уже...

ГЕРЦОГ: Ну да, понимаю.

ГЕРЦОГ: Ну что? Сделала?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Seriously?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: С помощью пакета?

СОВА: Да.

ГЕРЦОГ: Сколько времени ушло?

СОВА: Почти четыре минуты. Сопrotивлялся, хоть и принял транквилизатор.

Пауза. На экране забегала надпись: «ГЕРЦОГ печатает...» Потом на мгновение все замерло.

СОВА: Ты еще здесь?

ГЕРЦОГ: Да. Не думал, что ты решишься.

СОВА: По-твоему, я трепло, как и многие в Сети?

ГЕРЦОГ: Нет.

СОВА: Думаешь, у меня кишка тонка?

ГЕРЦОГ: НЕТ!

СОВА: Вот и отлично. А то ведь я не шучу. Меня слишком долго недооценивали. Думали, что я размазня. Переступали через меня. Издевались надо мной. А я НЕ РАЗМАЗНЯ. Я – СИЛЬНЫЙ человек. Обладаю СИЛОЙ умственной и физической и больше не сдерживаю ее.

ГЕРЦОГ: Не сомневаюсь.

СОВА: Даже не думай.

ГЕРЦОГ: Прости. Я никогда в тебе не сомневался. Никогда.

ГЕРЦОГ: Каковы ощущения?

СОВА: Божественные.

ГЕРЦОГ: Мы не верим в Бога.

СОВА: А если я и есть Бог?

На несколько минут переписка прекратилась, потом Герцог спросил:

ГЕРЦОГ: Что теперь?

СОВА: Это только начало. Доктор был первый в моем списке. Теперь займись следующим.

Глава 6

На следующее утро около восьми Эрика въехала на парковку отделения полиции Луишем-Роу. Работа на месте происшествия продолжалась далеко за полночь, и ей удалось поспать лишь пару часов и принять душ перед тем, как снова прибыть в отделение. Едва она вышла из машины, ее окутал горячий воздух, пропитанный

смердом выхлопных газов. По кольцевой дороге, гроыхая, ползли грузовики. Издалека доносились жужжание и клацанье подъемных кранов, работавших на нескольких строительных площадках, где возводили многоэтажные дома. В сравнении с ними приземистое бетонное здание отделения полиции казалось совсем маленьким. Эрика заперла автомобиль и направилась по парковке к центральному входу. Настроение у нее было ворчливое – от недосыпа, от того, что она уже вспотела и мечтала о холодном напитке.

В дежурной части было прохладнее, но дышать все равно было нечем: к теплу примешивался омерзительный коктейль из блевотины и дезинфицирующих средств. За своим столом горбился, заполняя какой-то бланк, сержант Вулф. Живот вываливался у него из брюк, круглое лицо с двойным подбородком покраснело и блестело от пота. Рядом стоял в ожидании высокий тощий парень в грязном спортивном костюме. Он не сводил глаз со своих вещей – новенького айфона и двух пачек сигарет в полиэтиленовом пакете, – лежавших в пластмассовом лотке. Его изможденное голодное лицо никак не вязалось с дорогими вещами, которые ему не терпелось забрать, и чутье подсказывало Эрике, что этот парень станет постоянным клиентом полиции.

– Доброе утро. А нет ли у нас в столовой охлажденного кофе со льдом? – спросила Эрика.

– И не мечтайте. – Волосатой рукой Вулф отер лицо. – Холодная еда – пожалуйста. С этим у них проблем нет. Непонятно, что им мешает кофе остудить.

Эрика улыбнулась. Дохлый парень закатил глаза.

– Ага, болтайте, болтайте, мне ведь торопиться некуда. Я просто хочу забрать свой айфон. Это – моя собственность.

– Твою собственность четыре месяца назад обнаружили на месте преступления. Так что подождешь минут десять. – Наградив парня суровым взглядом, Вулф положил ручку и нажал кнопку, открывая для Эрики дверь в ту часть отделения, где находились кабинеты сотрудников. – Марш уже на месте. Сказал, что хочет видеть вас, как только вы появитесь.

– Понятно. – Эрика прошла в дверь, и та, закрывшись за ней, прекратила жужжать. Она зашагала мимо пустых кабинетов по душному коридору, освещенному лампами дневного света. Было еще рано, многие сотрудники находились в отпусках или в отгулах, и оттого казалось, что жизнь в отделении замерла.

На лифте Эрика поднялась на верхний этаж, где находился кабинет ее начальника, постучала и, услышав, приглушенный отклик, вошла. Старший суперинтендант Марш стоял к ней спиной у окна, глядя на простирающиеся перед ним бетонные джунгли, среди которых высились строительные краны и ползли машины. Он был рослый, широкоплечий, с сильной проседью в коротко остриженных волосах. Когда он повернулся, Эрика увидела, что его губы сомкнуты вокруг ярко-зеленой соломинки, опущенной в большой стакан с охлажденным кофе из «Старбакса». Красивый мужчина, несмотря на усталый вид. Марш вскинул брови, сглотнув кофе.

– Доброе утро, сэр.

– Доброе утро, Эрика. Вот, подумал, что вы не откажетесь. – Марш подошел к своему захламленному столу, взял еще один стакан с охлажденным кофе и дал Эрике

вместе с завернутой в бумагу соломинкой. Стакан оставил большое мокрое кольцо на распечатке предварительного отчета по делу об убийстве Грегори Манро, который Эрика направила Маршу по электронной почте рано утром.

– Спасибо, сэр. – Она взяла стакан и, извлекая из обертки соломинку, окинула взглядом кабинет: полнейший бардак. Комната подростка и высокого начальника в одном флаконе, как она всегда говорила себе. Стена увешана дипломами, на полках большой мебельной стенки беспорядочно напиханы папки с уголовными делами, из забитых выдвижных ящиков торчат края бумаги. Урна переполнена, но Марш, вместо того чтобы опустошить ее, сверху на мусор положил еще две пластиковые коробки из-под сэндвичей и пустые стаканы из-под кофе, которые теперь балансировали на куче, возвышаясь на целый фут над краем. На подоконнике стояли горшки с засохшими комнатными цветами, у одной стены лежали обломки вешалки для верхней одежды. То ли она сама сломалась под тяжестью навешанных на нее вещей, то ли Марш ее сломал в приступе гневного раздражения, которого, к счастью для Эрики, не довелось наблюдать.

Она извлекла из тонкой бумажной упаковки зеленую соломинку, сунула ее в отверстие в крышке стакана и с наслаждением глотнула глясе, чувствуя, как по пищеводу растекается приятная прохлада.

– Итак, сэр, чем вызвана такая любезность – приличный кофе? По случаю ухода в отпуск?

Марш улыбнулся и сел, жестом предлагая ей тоже присесть.

– Да, две недели на юге Франции. Жду не дождусь. Ладно, к делу. Я прочел ваш отчет. Очередное убийство гея. Поганое дело.

– Сэр, я сильно сомневаюсь, что убитый стал жертвой гомофобии...

– Дело ясное: жертва – мужчина, порно для геев, асфиксия. Он – врач, хорошо зарабатывал. Должно быть, пригласил мальчика по вызову. Они заигрались. Парень перестарался. Что-нибудь пропало?

– Нет. Сэр, как я сказала, я не думаю, что это убийство на почве гомофобии. В своем предварительном отчете такой оценки я не давала. – Увидев, что Марш смотрит на нее в замешательстве, Эрика спросила: – Сэр, вы читали мой отчет?

– Разумеется, читал, – сердито ответил он.

Эрика взяла с его стола свой отчет, где на мокром кольце, оставленном стаканом, теперь уже расплывались чернила, и увидела, что страница всего одна. Она встала, подошла к принтеру в кабинете Марша, выдвинула ящик с бумагой, взяла пачку листов, положила ее в принтер и закрыла ящик.

– Что такое? – спросил Марш. Раздался щелчок, потом – жужжание, из принтера выползла вторая страница. Эрика вручила листок Маршу и снова села. Он пробежал глазами вторую страницу отчета и посерел.

– Сэр, есть признаки, указывающие на то, что убийство было спланировано заранее. Охранная сигнализация отключена, телефонный провод перерезан, и мы не нашли ни отпечатков, ни следов биологических жидкостей, которые принадлежали бы не жертве, а какому-то другому лицу.

– Проклятье, только этого нам не хватало. Я думал, это просто нападение на гомосексуалиста.

– Просто нападение на гомосексуалиста, сэр?

– Вы знаете, что я имею в виду. Нападения на гомосексуалистов... в общем, они не получают широкого резонанса в прессе. – Марш снова пробежал глазами отчет. – Черт возьми, Грегори Манро – местный терапевт, семейный человек. А адрес?

– Лорел-роуд. Онор-Оук-Парк.

– И район хороший. Простите, Эрика. Такая тяжелая неделя... А страницы могли бы и пронумеровать.

– Они пронумерованы, сэр. Я жду результатов вскрытия и криминалистической экспертизы от Айзека Стронга. Мы прошерстим жесткий диск компьютера и телефон жертвы. Сейчас я иду инструктировать свою команду.

– Хорошо. Держите меня в курсе. Как только будут новые сведения – сразу докладывайте. Не нравится мне все это, Эрика. Чем скорее поймем подонка, тем лучше.

Глава 7

Оперативный отдел отделения полиции Луишем-Роу размещался в большом душном помещении. С потолка на полицейских лился яркий слепящий свет люминесцентных ламп. Комнату с двух сторон от коридоров отделяли стеклянные стены, вдоль одной расположились в ряд принтеры и копировальные аппараты. Эрика, стоя возле принтера, знакоилась с предварительными результатами вскрытия Грегори Манро. Она ощущала знакомое покалывание в теле, вызванное предвкушением, ужасом и возбуждением. Листы, один за другим выползавшие из принтера, были теплыми на ощупь.

Ее команда уже трудилась в поте лица. Многие сотрудники, присутствовавшие на месте преступления, успели вздремнуть лишь пару часов и снова пришли на работу. Светловолосый сержант Крейн – «вечный двигатель» оперативного отдела – разносил распечатанные документы для совещания. Мосс и констебль Сингх, невысокая симпатичная женщина с острым умом, отвечали на телефонные звонки. Новый член команды, констебль Уоррен, – красивый энергичный молодой человек – прикреплял на демонстрационные доски, что стояли у задней стены, собранные по делу материалы.

Инспектор Питерсон, войдя в оперативный отдел, обвел взглядом комнату, где кипела работа. Высокий красивый чернокожий офицер с короткими дредами, он, наряду с Мосс, являлся одним из самых доверенных коллег Эрики. Своей сдержанной, щеголеватой, изысканной манерой поведения он великолепно сглаживал житейскую грубоватость Мосс.

– Хорошо отдохнули, Питерсон? – спросила Эрика, поднимая голову от отчета.

– Да. На Барбадосе. Мир, покой, песчаные пляжи... Не то что здесь, – ответил он с тоской в голосе, но Эрика уже снова уткнулась в отчет. Питерсон сел за свой стол, глядя на унылую убогость оперативного отдела.

– Ты точно ездил на море? – спросила Мосс, ладонью прикрывая трубку телефона. – Что-то не загорел совсем...

– Ха-ха. Сегодня на завтрак я ел овсянку, так она и то была не такая бледная, как ты, – улыбнулся Питерсон.

– Рада, что ты вернулся. – Мосс подмигнула ему и продолжала разговор по телефону.

– Итак, всем доброе утро, – поприветствовала коллег Эрика, выдвигаясь в переднюю часть комнаты. Она достала комплект снимков, сделанных на месте преступления, и принялась развешивать их на демонстрационной доске.

– Жертва – сорокашестилетний Грегори Манро. Местный врач-терапевт. – Разговоры в оперативном отделе стихли, все рассматривали фотографии. – Я знаю, что некоторые из вас были вчера вечером на месте преступления, но для тех, кого там не было, я изложу суть дела.

Подчиненные Эрики молча выслушали ее рассказ о событиях минувшего вечера.

– Нам только что прислали результаты токсикологической экспертизы и вскрытия. В крови жертвы обнаружено небольшое количество алкоголя и очень высокий уровень флунитразепама: 98 микрограммов на литр. Флунитразепам – обиходное название рогипнола, известного также как руфиз.

– Любимый «дружок насильников», – сухо прокомментировал Питерсон.

– Да. Остатки препарата были обнаружены в винном бокале на месте преступления, на кухне, – добавила Эрика.

– Должно быть, в вино подсыпали. Если только он не собирался покончить с собой? Как врач он должен был знать, что столь большая доза может его убить, – заметила Мосс.

– Да, но не убила. Он умер от асфиксии. Вы видите, что на голову ему надет прозрачный полиэтиленовый пакет, затянутый тонкой белой веревкой. – Эрика показала на снимок, на котором Манро смотрел безучастными глазами через прозрачную пленку. – Руки ему связали после смерти. В ящике прикроватной тумбочки были найдены порножурналы для геев. Таким образом, журналы, асфиксия с помощью пакета и транквилизатор наводят на мысль о том, что элемент сексуальной активности следует исключить. Признаков того, что его изнасиловали, нет; волосы и биологические жидкости, которые принадлежали бы не хозяину, в доме не обнаружены... – Эрика помолчала, глядя на своих подчиненных, которые смотрели на нее. – Итак, на мой взгляд, нужно исходить из предположения, что кто-то проник в дом Грегори Манро, напоил его транквилизатором и затем задушил. Я также считаю, что это не случайный грабитель. Из дома ничего не пропало – ни деньги, ни ценности. Телефон и электричество были отключены, и это указывает на то, что преступление было спланировано. И тому, кто его совершил, нужно было прежде отключить охранную сигнализацию, а потом уже электричество. Действуем по обычной схеме: необходимо провести поквартирный опрос на Лорел-роуд и прилегающих улицах.

Местные полицейские уже опросили часть людей, но мы должны опросить всех, кто живет на той улице или находился в данном квартале. Соберите полное досье на Грегори Манро: банковские счета, телефон, электронная почта, соцсети, друзья, родные. С женой он расстался, значит, наверняка обращался к адвокату: проверьте. Выясните, был ли он зарегистрирован на каком-либо из сайтов знакомств для геев. Достаньте жесткий диск его телефона, проверьте, есть ли на нем мобильные приложения для гей-знакомств. Возможно, он нанял мальчика по вызову. Далее. Он – врач, работал в местной клинике; узнайте все, что можно, о его работе. Были ли у него проблемы с коллегами и пациентами?

Эрика подошла к демонстрационной доске и показала на фотографии сада.

– Убийца проник на территорию дома через забор, за которым проходит железная дорога и лежит небольшой парк. Достаньте записи с камер видеонаблюдения на железной дороге и вблизи путей, а также на ближайших станциях и прилегающих улицах. Крейн, вы остаетесь здесь, будете координировать работу оперативного отдела.

– Слушаюсь, босс, – ответил Крейн.

– Думаю, Грегори Манро был знаком с убийцей. Чем больше мы будем знать о его жизни, тем больше вероятность установить местонахождение убийцы. А теперь за работу. В шесть встречаемся здесь, поделимся добытой информацией.

Сотрудники оперативного отдела оживились.

– Есть новости о матери Грегори Манро? – осведомилась Эрика, подходя к Мосс и Питерсону.

– Она все еще в Луишемской больнице. Очухалась довольно быстро, но ее пока не выписывают, ждут врача, – ответила Мосс.

– Ладно. Давайте ее навестим. Питерсон, вы едете с нами.

– Надеюсь, вы ее не подозреваете? – спросила Мосс.

– Нет, но зачастую матери – кладезь информации, – объяснила Эрика.

– Да, понимаю. Моя мать всюду свой нос сует, – усмехнулся Питерсон, поднимаясь из-за стола и хватая пиджак.

– Тогда будем надеяться, что Эстель Манро такая же, – сказала Эрика.

Глава 8

Луишемская университетская больница занимала большую территорию и размещалась в нескольких корпусах. Некоторые из них были старые, кирпичные, другие представляли собой футуристические сооружения из стекла. Новое крыло было облицовано сине-желтым пластиком. Парковка была забита машинами, к отделению «неотложной помощи» то и дело подъезжали «скорые». Эрика, Мосс и Питерсон

припарковались и пешком направились к центральному входу – большой коробке из стекла и металла напротив отделения «неотложки». По приближении они увидели перед входом пожилую женщину в инвалидном кресле, кричавшую на медсестру, которая стояла рядом с ней, согнувшись в три погибели.

– Безобразия! – ругалась женщина, тыкая в медсестру крючковатым пальцем с покрытым красным лаком ногтем. – Сначала вы заставили меня ждать, а теперь, когда выписали, я уже больше часа сижу здесь на жаре! У меня нет при себе ни сумки, ни телефона, а вы ничего не делаете!

Несколько человек, выходящих из больницы, обратили на нее внимание, но ни одна из стайки медсестер, входивших в здание, даже бровью не повела.

– Это она – Эстель Манро, мать Грегори Манро, – сказала Мосс. Они поравнялись с инвалидным креслом, и медсестра с добрым, но усталым лицом – на вид ей было под пятьдесят, – заметив их, выпрямилась. Эрика, Мосс и Питерсон представились, предъявили удостоверения.

– У вас здесь все хорошо? – спросила Эрика. Эстель, прищурившись, уставилась на них с инвалидного кресла. Ей, наверно, было лет шестьдесят пять, и, видимо, она старалась одеваться элегантно, но после ночи, проведенной в больнице, ее светлые брюки и цветастая блузка сильно измялись, макияж вместе с потом размазался по лицу, а короткие рыжие волосы были всклокочены. На коленях она держала пластиковый пакет с черными лакированными кожаными туфлями-лодочками.

– Нет! Здесь ничего хорошего... – начала Эстель.

– Утром к Эстель приезжали полицейские, – перебила ее медсестра, упершись руками в свои широкие бедра, – брали у нее показания. Они предложили отвезти ее домой, но она отказалась.

– Разумеется, отказалась! Не хватало еще, чтобы меня у моего дома высаживала полицейская машина! Я хочу поехать домой на такси... Я знаю, что так положено. Вы обязаны вызвать мне такси. Вы просто хитрите...

Эрика по опыту знала, что люди по-разному реагируют на горе и потрясение. Одни обливаются слезами, другие цепенеют, теряют дар речи, третьи злятся. Эстель Манро, судя по всему, относилась к последней категории.

– Меня всю ночь продержали в этой адской дыре под названием отделение «неотложной помощи». А у меня просто голова закружилась, вот и все. Но нет, мне пришлось дожидаться, пока врачи осмотрят всех алкоголиков и наркоманов! – Эстель сосредоточила внимание на Эрике, Мосс и Питерсоне. – А потом заявили ваши, замучили вопросами. Будто я преступница! Вот вам что от меня надо? Мой мальчик умер... Его убили!

Эстель окончательно утратила самообладание. Она вцепилась руками в подлокотники кресла, заскрипела зубами и крикнула:

– Не приставайте ко мне, отстаньте, вы все!

– У нас машина без опознавательных знаков полиции. Можем отвезти вас домой, миссис Манро, – ласково произнес Питерсон. Он присел на корточки перед несчастной женщиной и дал ей салфетку из небольшой пачки, которую вытащил из

кармана.

– Правда? – сказала она, смотря на него полными слез глазами.

Питерсон кивнул.

– Тогда, прошу вас, отвезите меня домой. Я просто хочу быть дома, одна. – Она взяла салфетку и вытерла лицо.

Спасибо, одними губами поблагодарила медсестра.

Питерсон снял кресло с тормоза и покатил Эстель к парковке.

– Ее сюда доставили в тяжелом состоянии – она была в шоке, организм обезвожен, – сообщила медсестра Эрике и Мосс. – Звонить никому не хотела. Я даже не знаю, есть ли у нее соседи или дочь, может быть? Дома ей нужно обеспечить покой, отдых.

– Питерсон сотворит чудо, старики его любят, – проговорила Мосс, вместе с Эрикой и медсестрой наблюдая, как Питерсон вкатил инвалидное кресло на парковку. Медсестра улыбнулась и вернулась в отделение.

– Черт, а ключи-то от машины у меня, пойдём скорей! – опомнилась Эрика. Они поспешили за Питерсоном.

?/?

– Уф, ну и пекло... – с отчаянием в голосе посетовала Эстель, когда они все сели в машину. В салоне было жарко, как в печке. – Все жарит и жарит, конца-краю нет! – Она занимала пассажирское кресло рядом с Эрикой. Мосс и Питерсон устроились на заднем сиденье.

Эрика перегнулась и помогла Эстель застегнуть ремень безопасности, потом завела мотор.

– Сейчас заработает кондиционер.

– Долго вы здесь простояли? – спросила Эстель, когда Эрика показала свое удостоверение работнику парковки, открывавшему шлагбаум. Тот их пропустил.

– Пятнадцать минут, – ответила Эрика.

– Не будь вы из полиции, вам пришлось бы заплатить полтора фунта. Хотя вы и не целый час стояли. Я все просила Грегори сделать что-нибудь, чтобы пациентам не приходилось платить. Он обещал написать нашему депутату парламента. Он ведь встречался с ней несколько раз – на официальных обедах... – Ее голос сошел на нет. Она взяла с колен салфетку и промокнула глаза.

– Эстель, хотите воды? – предложила Мосс. Она купила несколько бутылок в торговом автомате в Луишем-Роу.

– Да, будьте добры. И, если вы не против, обращайтесь ко мне «миссис Манро».

– Конечно, миссис Манро. – Через брешь между сиденьями Мосс передала пожилой

женщине запотевшую бутылку. Эстель с трудом отвинтила крышку и надолго приникла к бутылке. Они ехали через Лейдиуэлл, мимо большого парка близ больницы, где под палящим утренним солнцем несколько подростков играли в футбол.

– Слава богу, теперь намного лучше, – вздохнула с облегчением Эстель, откидываясь в кресле: кондиционер уже начал охлаждать салон.

– Вы позволите задать вам несколько вопросов? – попросила Эрика.

– А позже нельзя?

– Позже мы официально возьмем у вас показания, но сейчас мне хотелось бы задать вам несколько вопросов... Прошу вас, миссис Манро, это очень важно.

– Что ж, задавайте.

– Вы говорили, что Грегори собирался ехать на отдых?

– Да, во Францию. Он должен был выступить на конференции БМА, Британской медицинской ассоциации.

– И он не сообщил о том, что добрался до места?

– Ясно, что нет.

– Вас это не насторожило?

– Нет. Мы без дела не надоедали друг другу. Я знала, что рано или поздно он мне оттуда позвонит.

– Грегори разошелся с женой?

– Да, с Пенни. – Произнося имя бывшей невестки, Эстель злобно скривила губы.

– Можно спросить, почему?

– Можно спросить почему... Вы уже спрашиваете, разве нет? По инициативе Пенни. Это она подала на развод. А если кто-то и должен был подать на развод, так это Грегори, – отвечала Эстель, качая головой.

– Почему?

– Она превратила его жизнь в кошмар. И это после всего того, что он для нее сделал. Обеспечил ей достойную жизнь. До замужества, до тридцати пяти лет, Пенни жила со своей ужасной мамашей. Перспектив – почти никаких. Работала в регистратуре в клинике Грегори. Только они стали встречаться, она забеременела. Поставила его в безвыходное положение, и ему пришлось на ней жениться.

– А разве это обязательно? – спросила Мосс.

– Я знаю, теперь модно рожать внебрачных детей, но мой внук не должен был стать незаконнорожденным!

– То есть это вы заставили их пожениться? – уточнила Мосс.

Эстель повернулась к ней.

– Нет. Грегори сам так решил. Он – благородный человек.

– До этого он был женат? – осведомилась Эрика.

– Нет, что вы.

– Пенни и Грегори были женаты четыре года. Значит, женился он в сорок два года? – спросила Мосс.

– Да, – подтвердила Эстель.

– До женитьбы у него было много женщин? – подал голос Питерсон.

– Женщины были. Но так, ничего серьезного. Он был увлечен медициной – сначала институт, потом практика. Среди его подружек встречались хорошие девушки, было из чего выбирать. А он позарился на эту алчную бабу из регистратуры...

– Вам она не нравилась? – спросил Питерсон.

– А вы как думаете? – вопросом на вопрос отвечала Эстель, глядя на него в зеркало заднего вида. – Она его не любила, ей только деньги нужны были. Я ведь его сразу предупреждала, но он и слушать не хотел. А потом началось... в общем, я оказалась права.

– Что произошло? – спросила Эрика.

– Еще не высохли чернила на брачном свидетельстве, а она уже стала требовать, чтобы Грегори записал на нее недвижимость. У него в собственности есть... было несколько домов для сдачи в аренду. Он ведь всего добился сам, понимаете? Трудился как вол. Один дом он оформил на мое имя, чтобы у меня было немного денег на старость. Так вот, она хотела, чтобы он этот дом переписал на нее! Естественно, он отказался. Она обратилась за помощью к брату... – Эстель в отвращении покачала головой. – Словом, негодяи они, вся их семейка – Пенни, ее брат Гэри. Гнусный скинхед, все время попадает в полицию. А Пенни ему предана. Странно, что вы его не знаете. Гэри Уилмслоу.

Эрика переглянулась с Мосс и Питерсоном, а Эстель продолжала:

– А в прошлом году, когда Гэри стал угрожать Грегори, они и вовсе вдрызг разругались.

– Как он ему угрожал? – спросила Эрика.

– Это все из-за школы Питера. Грегори настаивал на пансионе, и тогда мальчика пришлось бы отправить из дома. Пенни привлекла Гэри, чтобы тот запугал Грегори, но Грегори не дал ему спуска, а мало кто не спасует перед Гэри Уилмслоу. Грегори устроил ему хорошую взбучку, – с гордостью доложила Эстель.

– И что было потом?

– Разразился скандал. Грегори даже слышать не хотел о Гэри, но Пенни не желала

изгонять его из своей жизни. Да и Гэри не понравилось, что ему дали отпор. Молва-то пошла, как пить дать. Смерть Грегори выгодна Пенни и Гэри. Она теперь наследница. Я так скажу: вы сэкономите кучу денег налогоплательщиков, если арестуете ее брата. Гэри Уилмслоу. Он способен на убийство, вы уж поверьте. Вон на прошлой неделе он снова взялся за свое – угрожал Грегори. Ворвался в его кабинет в клинике, где наверняка было полно пациентов.

– Почему он ему угрожал?

– Не успела выяснить. Мне об этом рассказала администратор. Я собиралась расспросить Грегори, когда он вернется с отдыха, но... – Эстель снова заплакала. Показалась таверна «Форест-Хилл», стоявшая на углу улицы. Эстель подняла голову. – Здесь налево, мой дом в самом конце.

Эрика затормозила возле нарядного дома в конце улицы, жалея, что они приехали так быстро.

– Хотите, мы зайдем к вам? – предложила Эрика.

– Нет, не надо. Какое-то время я хочу побыть дома одна, спасибо. Мне столько всего пришлось пережить. Вы должны проявить понимание... На вашем месте я прямо сейчас поехала бы и арестовала ее брата. Говорю вам, это Гэри. – Погрозив крючковатым пальцем, Эстель с трудом отстегнула ремень безопасности и достала из пакета туфли.

– Миссис Манро, мы пришлем к вам наших сотрудников, они возьмут у вас показания. И еще: необходимо, чтобы кто-нибудь опознал тело, – тихо произнесла Эрика.

– Один раз я уже видела его... таким. Больше не хочу. Попросите ее, попросите Пенни, – отказалась Эстель.

– Хорошо, – промолвила Эрика.

Питерсон вылез из машины и обошел ее, остановившись у дверцы со стороны пассажирского кресла. Он взял у Эстель туфли, обул ее, затем помог ей выбраться из машины и дойти до двери.

– Дело принимает интересный оборот, – тихо заметила Мосс Эрике. – Деньги, недвижимость, война семей – не жди ничего хорошего.

Они смотрели, как Питерсон помогает Эстель подняться на крыльцо. Она открыла дверь и исчезла в доме.

– Что верно, то верно, – согласилась Эрика. – Я, пожалуй, поговорю с Пенни. Да и с этим Гэри Уилмслоу.

Глава 9

Дом, в котором жила Пенни Манро, находился в Шерли, в районе на юго-востоке Лондона, буквально в нескольких милях от того места, где они высадили Эстель. В

прошлом муниципальное жилье, теперь это было современное здание с декоративной «каменной» штукатуркой серовато-коричневого цвета и новыми пластиковыми окнами, которые украшали фигурные решетки. Палисадник ухоженный, аккуратно подстриженный газон покрывала, несмотря на засуху, сочно-зеленая трава. В накрытом сеткой небольшом пруду плавали распустившиеся кувшинки. Большая пластмассовая цапля стояла на одной ноге в окружении огромных розовощеких гномов.

Когда они позвонили в дверь, зазвучала электронная мелодия песни «Край надежды и славы» [2 - «Край надежды и славы» (Land of Hope and Glory) – название и первая строка английской патриотической песни композитора Э. Элгара на слова Ф. Бенсона. Исполняется в торжественных случаях.]. Мосс удивленно вскинула брови, глядя на Эрику с Питерсоном. Им долго никто не открывал. Звонок проиграл целый куплет и затих. Дверная ручка повернулась, дверь медленно приотворилась – всего на несколько дюймов. В узкий проем на них застенчиво смотрел крошечный темноволосый мальчик с карими глазами. В его маленьком личике Эрика увидела черты Грегори Манро – глаза, высокий горделивый лоб. Аж жутко стало. Из-за закрытой двери в коридоре орал телевизор.

– Привет, ты Питер? – спросила Эрика. Малыш кивнул. – Здравствуй, Питер. Мама дома?

– Да. Она наверху, плачет, – ответил мальчик.

– О, мне очень жаль. Пожалуйста, узнай у мамы, сможет она с нами поговорить?

Взгляд мальчика заскользил по Эрике, по Мосс и, наконец, остановился на Питерсоне. Он кивнул и, запрокинув голову, пронзительно крикнул:

– Мам, к тебе пришли!

Послышалось звяканье, затем – шум воды, спущенной в унитаз, и на лестнице появилась молодая женщина с красными опухшими глазами. Она была стройная и привлекательная, с белокурыми волосами до плеч и аккуратным острым носиком.

– Пенни Манро? – спросила Эрика. Женщина кивнула. – Здравствуйте. Старший инспектор Фостер. Это – инспекторы Питерсон и Мосс. Примите наши соболезнования...

Пенни яростно затрясла головой.

– Нет. Он не знает... Я не... – зашептала она, показывая на сына. Тот во весь рот улыбался Питерсону, который, скосив глаза, показывал ему язык.

– Можно побеседовать с вами наедине? – спросила Эрика.

– Я уже имела беседу с полицией.

– Миссис Манро, это очень важно.

Пенни высморкнулась и кивнула, закричав:

– Мама! Маааама! Боже, опять этот телевизор... – Она открыла дверь комнаты, выходящей в коридор, и телевизор завопил громче, так что тонкая рама зеркала, висевшего у дверного проема, задребезжала. Играла музыка к телепередаче «Сегодня утром». Спустя несколько мгновений в дверях гостиной появилась крупная пожилая

женщина с облаком взбитых сальных седых волос на голове и комичными очками в толстой оправе. На ней был странный зеленый наряд – то ли мужской, то ли женский: зеленый джемпер и коротковатые брюки. Нижние края штанин топорщились над ее отекавшими лодыжками, раздувавшимися над клетчатыми тапками. Женщина близоруко прищурила глаза под грязными стеклами очков.

– ЧТО ЕЩЕ ИМ НАДО? – заорала она раздраженно.

– НИЧЕГО. ПРОСТО ЗАБЕРИ ПИТЕРА, – крикнула в ответ Пенни.

Пожилая женщина подозрительно покосилась на полицейских и кивнула.

– ПИТИ, ИДЕМ. – Голос у нее был резкий и пронзительный. Питер взял бабушку за пухлую руку и, взглянув еще раз на гостей, исчез вместе с ней в гостиной. Дверь в комнату закрылась, приглушив ор телевизора.

– Мама глухая, живет в своем мире, – объяснила Пенни. На улице затарахтела машина, выпустив выхлопные газы. Пенни вздрогнула, ее затрясло. Вытянув шею, она в обе стороны оглядела улицу, по которой с ревом пронесся старенький красный «фиат». За рулем сидел парень в солнцезащитных очках и без футболки.

– Что вас беспокоило, миссис Манро? – спросила Эрика.

– Ничего... Ничего, – ответила Пенни не очень убедительным тоном. – Проходите на кухню.

Глава 10

Они сидели в тесной душной кухне, заставленной и увешанной декоративными вещами и вычурными полотенцами с рюшами. Окно выходило в сад за домом, где гномов было еще больше, чем в палисаде. Их розовые лица, как у маньяков, вызывали у Эрики дрожь. Наверно, они здесь такие большие потому, предположила она, чтобы мать Пенни не перепутала, кто есть кто.

– Последний раз я говорила с ним... с Грегори... три дня назад, – сообщила Пенни. Она стояла, прислонившись к мойке, с выражением неверия на лице. Закурив сигарету, взяла с подоконника наполненную окурками пепельницу.

– О чем вы говорили? – спросила Эрика.

– Да так. Он собирался во Францию на какую-то конференцию.

– Британской медицинской ассоциации? – подсказала Мосс.

– Он – один из самых авторитетных членов этой организации.

– Он никак не дал знать о том, что благополучно добрался до места. Вас это не удивило? – спросила Эрика.

– Мы разводились. Созванивались только по необходимости... Я позвонила ему, чтобы

уточнить, не отменилась ли поездка и остается ли Питер у меня. Мы условились... У нас была договоренность, что по субботам он остается у отца.

– Что еще он сказал?

– Ничего особенного.

– Как вы думаете, кто мог убить вашего мужа? Вы подозреваете кого-нибудь?

Глядя в окно, Пенни стряхнула пепел в мойку.

– Нет... Есть люди, с которыми он был в плохих отношениях, но с кем не бывает. Не знаю никого, кто мог ненавидеть его настолько, чтобы проникнуть в дом и... задушить. – Она заплакала. Мосс взяла со стола коробку с салфетками и одну протянула ей.

– Спасибо, – поблагодарила Пенни.

– Дом оборудован системой охранной сигнализации. Когда ее установили? – спросила Эрика.

– Пару лет назад, после того, как сделали пристройку.

– Вы всегда ею пользовались?

– Да. Грегори всегда ставил дом на сигнализацию, когда мы куда-то уходили. Раньше и на ночь тоже ее включал, но, когда Питер научился ходить, несколько раз бывало, что он спускался вниз попить и сигнализация срабатывала, поэтому мы перестали... Но на окна и двери он поставил дополнительные замки.

– Помните название фирмы, которая ставила сигнализацию?

– Нет. Этим Грег занимался. Как... тот, кто это сделал... проник в дом?

– Как раз это мы и пытаемся выяснить, – ответила Эрика. – Можно узнать, почему вы с Грегори расстались?

– Я стала вызывать у него отторжение. Ему все во мне не нравилось: как я одеваюсь, разговариваю, общаюсь с людьми. Он обвинил меня в том, что я слишком много кокетничаю с мужчинами в магазинах; презирал моих друзей, считая, что они не заслуживают уважения. Пытался разлучить меня с мамой. Зато его мама всегда желанна, всегда на первом месте. И еще он не ладил с моим братом, Гэри...

– Он проявлял агрессию?

– Гэри не был агрессивен, – ответила Пенни, пожалуй, слишком быстро.

– Я имела в виду Грегори, – поправилась Эрика.

Мосс с Питерсоном переглянулись, что не укрылось от взгляда Пенни.

– Простите, я сама не своя. Нет. Грегори не был агрессивен. Он бывал страшен в гневе, это да, но меня никогда не бил... Я не дура. У нас не всегда были плохие отношения. Когда мы познакомились, он считал, что я для него глоток свежего

воздуха – волнующая, немного болтливая, смешная.

Эрика посмотрела на Пенни и поняла, чем та привлекает мужчин: она была миловидной и простой.

– А такие девушки мужчинам нужны только для веселого времяпрепровождения, – продолжала Пенни. – Когда мы поженились, он думал, что я изменюсь. Я – его жена, его представитель, говорил он. Я представляю его в обществе! Но я не собиралась становиться такой женой. Думаю, он понял это уже потом...

– А что мать Грегори?

– О, это долгая история. Их отношения – это нечто, «Царь Эдип» по сравнению – просто мыльная опера. Она сразу меня возненавидела. Это ведь она его обнаружила, да?

Эрика кивнула.

Пенни нахмурилась.

– А мне даже не позвонила. Я узнала, когда к нам пришел полицейский. Это многое о ней говорит, да?

– Ей было не до вас, – возразила Мосс. – Она находилась в состоянии шока, ее забрали в больницу.

– Она говорила, что между Грегори и вашим братом, Гэри, произошла ссора, – сказал Питерсон.

При упоминании Гэри Пенни на мгновение замерла.

– Просто повздорили. Обычный семейный скандал, – быстро произнесла она.

– Она сказала, что они подрались.

– Да, мальчишки – они и есть мальчишки, – вздохнула Пенни.

– Но они не мальчишки, а взрослые люди. Ваш брат и раньше имел проблемы с полицией, – добавил Питерсон.

У Пенни забегали глазки. Она быстро переводила взгляд с одного офицера на другого. Потом затушила сигарету в пепельнице, полной старых окурков.

– Мой брат находится на пробации [З - П р о б а ц и я – вид уголовного наказания в Великобритании и США, которое заключается в наложении определенных ограничений на осуществление осужденным своих прав и свобод и назначении специального надзора за его поведением. Пробация служит альтернативой лишению свободы и, как правило, назначается за совершение незначительных по степени тяжести преступлений. В России функцию пробации выполняет условное осуждение.] за нападение на одного типа в Нью-Кроссе, – стала объяснять она, закурив снова и выпуская в потолок сигаретный дым, а затем опять затушила недокуренную сигарету. – Он работает вышибалой в одном клубе. Тот тип перебрал наркотиков, вообще ничего не соображал, так что это была самооборона. Но Гэри немного переусердствовал. В это дело вы его не втягивайте. Мой брат – не святой, я знаю,

но к этому он вообще не имеет отношения, вы слышите?

– Поэтому вы так занервничали, когда мы стояли у двери? Думали, это Гэри? – спросила Эрика.

– Послушайте, что вам здесь нужно? – Пенни прищурилась, скрестив на груди руки. – Ко мне уже приходил полицейский, обо всем расспрашивал. Лучше бы ловили того типа.

– Мы не говорили, что это был тип, – заметила Мосс.

– Не умничайте. Сами знаете, что большинство убийц – мужчины, – заявила Пенни.

Эрика многозначительно посмотрела на Мосс: она видела, что Пенни от них закрывается.

– Хорошо, хорошо, миссис Манро. Простите. Вашего брата ни в чем не обвиняют. Мы вынуждены задать эти вопросы, чтобы составить полную картину – это поможет нам поймать убийцу.

Пенни снова закурила.

– Хотите? – предложила она. Мосс и Питерсон покачали головами, но Эрика взяла из пачки одну сигарету. Пенни дала ей прикурить.

– Грегори хотел определить Питера в школу-интернат, – объяснила Пенни. – Отправить из дома, маленького мальчика! Я топнула ногой, сказала «нет». В выходные, накануне того дня, когда он должен был пойти в местную начальную школу, я узнала, что Грегори отказался от нее и записал его в закрытую школу!

– Когда это было?

– На Пасху. Я позвонила Грегори, а он заявил, что Питер пойдет туда с понедельника и я не помешаю ему дать сыну достойное образование. Это было все равно что похищение! И Гэри решил его забрать. Пришел, ворвался в дом. Но он не... Но он не лез в драку, ясно? Там была Эстель. Она запустила в Гэри стеклянной пепельницей, и началось... Но об этом она умолчала, не так ли?

– Значит, вы утверждаете, что вы с Эстель не были в дружеских отношениях?

Пенни с горечью рассмеялась.

– Она – жуткая стерва. Чего только не выдумает, лишь бы найти оправдание поведению сына. Она возненавидела меня с первой же минуты, как только мы начали встречаться... Все испортила: вечеринку по поводу нашей помолвки, свадьбу. Отец Грегори умер, когда он был еще маленький. Грегори у нее единственный ребенок, и потому они очень зависели друг от друга, он и его мама. Как это называется? Взаимозависимость. Когда мы только поженились, я надеялась, что сумею завоевать его или хотя бы стать для него самым близким человеком, но она все сделала для того, чтобы я оставалась на вторых ролях. Жалкая я дура, да? Вот слышу себя и понимаю, что говорю как жалкая дура.

Эрика посмотрела на Мосс и Питерсона, сознавая, что она обязана задать еще один важный вопрос.

– Миссис Манро, у вашего мужа были отношения с мужчинами? Простите, что спрашиваю об этом.

– Это вы про что? Про друзей? Друзей у него было мало.

– Я имею в виду сексуальные связи с мужчинами.

Пенни устремила взгляд куда-то между ними. На стене тикали часы. Дверь на кухню внезапно распахнулась, ударившись о стоявший сбоку от нее холодильник, и в комнату ворвался невысокий плотный лысый мужчина в джинсах, футболке и черных ботинках на шнурках. На лбу у него блестела испарина, под мышками и на груди расплывались мокрые пятна. Он принес с собой влажный потный запах агрессии. Лицо его искажала гримаса смятения и ярости.

– Сексуальные связи с мужчинами? Что за черт? – возмутился он.

– Вы Гэри Уилмслоу? – осведомилась Эрика.

– Да. А вы кто такие?

– Сэр, я – старший инспектор Фостер, это – инспектор Мосс и инспектор Питерсон, – представила всех Эрика. Втроем они встали, показывая свои удостоверения.

– Пенни, что здесь происходит, черт возьми?

– Они просто спрашивают про Грега, задают обычные вопросы, – устало произнесла Пенни, словно привыкла утихомиривать брата.

– И вы спрашиваете, был ли он гомиком? – изумился Гэри. – Это все, на что вы способны? Может, Грег и скотина...

– Гэри!

– Но он не гомик. Ясно? – Для пущей убедительности Гэри со всей силы разрубил пальцем воздух.

– Сэр, пожалуйста, подождите за дверью, пока мы не закончим, – начал Питерсон.

– Я вам не «сэр». Не хрен строить из себя вежливых! – огрызнулся Гэри. Он открыл холодильник и, засунув в него голову, буркнул: – Козел черномазый.

– Что вы сказали? – спросил Питерсон. Эрика видела, что у него участилось дыхание.

Гэри выпрямился, держа в руке банку пива, и захлопнул дверцу.

– Ничего.

– Я все слышала, – сказала Эрика.

– И я, – подтвердила Мосс. – Вы назвали моего коллегу «черномазым козлом».

– Ничего подобного. А даже если и назвал, это – мой дом. Здесь я что хочу, то и говорю. Не нравится, проваливайте к чертям собачьим... И без ордера не приходите.

– Мистер Уилмслоу, мы задаем стандартные вопросы в связи с расследованием убийства... – начала Эрика.

– Ерундой вы занимаетесь. Вместо того чтобы убийцу ловить, сидите тут, мурыжите нас, а у нас в семье, между прочим, горе.

– Позвольте напомнить, что оскорбление сотрудника полиции по расовому признаку – это уголовно наказуемое преступление. – Питерсон подступил к Гэри, глядя ему прямо в глаза.

– Как и убийство. Но если вы намерены применить ко мне силу, я вправе защищаться, потому что я у себя дома.

– ГЭРИ! – крикнула Пенни. – Прекрати. Иди проверь, как там мама с Питером... Сейчас же!

Гэри открыл банку, брызнув пивом в лицо Питерсону. Возникла напряженная пауза, потом Гэри глотнул пива из банки и ушел, хлопнув за собой дверь.

– Простите. Пожалуйста, простите... Он не любит полицию, – проговорила Пенни. Она оторвала кусок от рулона бумажного полотенца и трясущейся рукой подала его Питерсону. Тот вытер лицо.

– Вы готовы продолжить? – спросила Эрика. – Мы почти закончили. – Пенни кивнула. – Мы ведь не просто так спрашиваем. В ящике прикроватной тумбочки в спальне вашего мужа были обнаружены порножурналы для геев.

– Seriously?

– Да. Нам нужно знать, как они там оказались. Возможно, это ничего не значит, ему просто было любопытно. Но я обязана спросить, известно ли вам что-нибудь о том, что ваш муж был бисексуалом или, поддавшись порыву, искал встреч, или встречался с мужчинами? Это поможет следствию. Если ваш муж вел тайную жизнь, встречаясь с мужчинами или приглашая мужчин...

– Все, хватит, поняла! – резко перебила Эрику Пенни. – Я все поняла! – Она закурила очередную сигарету и выпустила дым, швырнув зажигалку на сушку. Вид у нее был растерянный, словно она никак не могла осмыслить полученную информацию. Пауза затягивалась. Наконец: – Даже не знаю... Однажды... В один из тех редких случаев, когда мы выпили вместе, Грегори завел разговор о том, чтобы попробовать секс втроем. Мы отдыхали в Греции, чудесно проводили время... Я подумала, он имел в виду себя и еще одну девушку, но он хотел... Он хотел, чтобы к нам присоединился парень.

– Вас это удивило? – спросила Эрика.

– Еще бы! Он всегда был крайне традиционен – обычная поза, все такое.

– А что было потом?

– Ничего. В последний момент он спасовал, сказал, что пошутил, хотел посмотреть,

как я отреагирую. – Пенни скрестила руки на груди.

– И как же вы отреагировали на его предложение?

– Ну... Остров был роскошный, отдых прекрасный. Там встречались сексуальные греки. Я подумала, что это может быть прикольно. Такое веселое сумасбродство. Мы никогда не веселились.

– И вас не смутило, что он вам это предложил?

– Нет. Я любила его. Тогда – любила. А он во всем был пуританином, и мне было приятно, что он поделился со мной чем-то таким... – Не выдержав, она расплакалась.

– То есть вы думаете, что ваш муж, возможно, был геем?

– Нет, не думаю. – Пенни подняла голову и сурово посмотрела на Эрику. – У вас все?

– Да, спасибо. Позже мы придем за вами одного из наших сотрудников. Нужно, чтобы вы опознали тело мужа, – сказала Эрика.

Пенни, со слезами на глазах, кивнула и устремила взгляд на безвкусно украшенный садик.

– Если выясните что-то еще про Грега, про то, что он гей... Я не хочу об этом знать. Ясно?

– Да, ясно, – кивнула Эрика.

?/?

Когда они вышли на улицу и направились к своей машине, припаркованной у тротуара, уже нещадно пекло. Они на время оставили дверцы открытыми, чтобы выпустить из салона жар. Эрика, порывшись в сумке, достала телефон и позвонила в отделение Луишем-Роу.

– Крейн, привет. Старший инспектор Фостер. Проверь одного человека, пожалуйста. Гэри Уилмслоу, Херефорд-стрит, 14, Шерли. Все, что у нас есть на него. Это брат Пенни Манро, супруги погибшего. Также организуй официальный допрос Эстель Манро и прикрепи к ней и Пенни сотрудников по связям с родными[4 - Сотрудник по связям с родными – в британской полиции специально обученный сотрудник, через которого происходит всякое взаимодействие следственной группы с семьей потерпевшего в особо тяжелых случаях при расследовании убийств и похищений. Полиция Лондона также прибегает к помощи этих людей в случае терактов и стихийных бедствий.].

Только они стали садиться в машину, из дома вышел Гэри. Он держал за руку Питера.

– Мистер Уилмслоу. – Эрика вернулась к калитке. – Скажите, пожалуйста, где вы находились в четверг с шести часов вечера до часу ночи?

Гэри подошел к поливочному шлангу, висевшему на кране под окном гостиной, размотал его и дал мальчику.

– Здесь. Смотрел «Игру престолов» с Пенни и мамой, – ответил он.

– Весь вечер?

– Да, весь вечер. У нас есть все сезоны.

Питер взял шланг и направил его на траву, приготовившись поливать, потом поднял голову и широко заулыбался, показывая брешь в зубах. Гэри открыл кран, и струя брызнула на газон.

– И они могут это подтвердить?

– Да. – Он одарил Эрику ледяным взглядом. – Они могут это подтвердить.

– Спасибо.

Эрика вернулась к коллегам. Втроем они сели в машину. Она завела мотор, включив кондиционер.

– Между прочим, мы могли бы его арестовать прямо здесь и сейчас. За нарушение запрета на использование шлангов для полива, – заметил Питерсон.

– Да, но шланг-то в руках у ребенка, – указала Мосс.

– Скользкий тип, – удрученно произнес Питерсон.

– Увы, – согласилась Эрика. Они смотрели, как Гэри курит, а Питер поливает траву. Гэри не сводил с них глаз.

– Пока не будем его трогать, – решила Эрика. – Посмотрим, что он станет делать. Он – возможный подозреваемый, но нужна дополнительная информация.

Глава 11

Близился вечер. Сиделка Симона Мэтьюз дежурила в одной из немногочисленных одноместных палат гериатрического отделения лондонской больницы имени королевы Анны. Рядом с ней на больничной койке спала старушка по имени Мэри. Очертания ее тощего тела едва проступали из-под аккуратно подоткнутого под нее синего одеяла. Изможденное лицо желтушного цвета, из дряблого рта вырывается прерывистое дыхание.

Ее часы были сочтены.

Больница имени королевы Анны размещалась в хиреющем здании из красного кирпича, а гериатрическое отделение было местом мрачным и шокирующим. Наблюдать за тем, как люди умственно и физически распадаются на твоих глазах, – суровое испытание для психики. Два дня назад Симоне поручили вечером искупать старика, который до той поры считался образцовым пациентом. Ни с того ни с сего он заехал ей кулаком в лицо. Ее послали на рентген. К счастью, оказалось, что челюсть не сломана. Старшая медсестра велела ей на два дня взять отгулы, чтобы отдохнуть и

оправиться от потрясения. Но Симона, стоическая женщина, настояла на том, чтобы выйти на работу уже в следующую смену.

Для Симоны в работе заключался весь смысл жизни, и она хотела быть рядом с Мэри, сидеть подле нее до самого конца. Они ни разу не разговаривали. Мэри лежала в отделении уже десять дней, время от времени впадая в забытие. У нее отказывали внутренние органы, она медленно угасала. Ее не навещали ни друзья, ни родные, но Симона составила представление о ней по ее личным вещам, что хранились в небольшом шкафчике у кровати.

Мэри, в поношенном платье и старых резиновых тапочках, доставили в больницу из супермаркета, где она упала, потеряв сознание. При ней была маленькая черная сумочка, в которой лежали лишь баночка мятных леденцов и проездной на автобус. Правда, во внутреннем кармашке, застегнутом на молнию, Симона еще нашла маленькое измятое черно-белое фото.

Снимок был сделан в каком-то парке солнечным днем. Под деревом на клетчатом пледе сидела красивая молодая женщина в длинной юбке, собравшейся в сборки вокруг ее ног. Тонкая талия, аккуратная грудь под накрахмаленной белой блузкой... По всему видно, что у нее завидная фигура в форме песочных часов. Хотя фотография была не цветной, Симона предположила, что в молодости Мэри была рыжей – как-то по-особенному блестели на солнце ее длинные волнистые волосы. Рядом с Мэри сидел темноволосый мужчина – симпатичный, волнующий и на вид опасный. Он щурился на солнце, одной рукой обвивая Мэри за тонкую талию, словно оберегал ее. Надпись на обратной стороне снимка гласила: «С моим любимым Джорджем. Бромли, июнь 1961 г.».

Была еще одна фотография Мэри – на автобусном проездном, – сделанная три года назад. Мэри, на белом фоне, смотрит со страхом в объектив – кролик, пойманный в перекрестье лучей прожекторов: обвислые седые волосы, лицо морщинистое, скукоженное.

«Как жила Мэри в период с 1961 года по 2013-й? – размышляла Симона. – И куда делся этот Джордж?» Насколько она могла судить, их роман не имел счастливого продолжения. Записи в медицинской карте свидетельствовали о том, что Мэри так и не вышла замуж. У нее не было ни детей, ни родственников.

Мэри на койке что-то бессвязно залопотала. Ее впалый рот медленно открылся и закрылся, дыхание на мгновение застопорилось и снова возобновилось в своем прерывистом ритме.

– Все хорошо, Мэри, я здесь, – сказала Симона, беря ее ладонь. Рука у старушки была худая, с дряблой кожей, на которой темнели, похожие на пятна, синяки от постоянных попыток найти вену, когда ей ставили капельницу.

Симона глянула на маленькие серебряные часики, прицепленные спереди на униформе, и увидела, что ее смена подходит к концу. Из шкафчика возле койки она достала щетку для волос и принялась расчесывать Мэри. Начинала от высокого лба и затем, поддерживая голову старушки, водила щеткой по всей длине ее волос. Серебристые пряди переливались в лучах солнца, проникавших в палату через маленькое окно.

Симона расчесывала Мэри, и ей хотелось, чтобы та была ее матерью, чтобы она открыла глаза и сказала, что любит ее. По фотографии Симона видела, что Мэри любила Джорджа, и Симона была уверена, что она и ее смогла бы любить.

По-другому, конечно. Как мать любит дочь.

В памяти промелькнуло лицо матери, и у Симоны задрожали руки так сильно, что она выронила щетку.

«ВОПИЮЩИЙ СЛУЧАЙ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЖЕСТОКОСТИ!» – кричали газетные заголовки. Мать Симоны уехала на отдых, а десятилетнюю дочь оставила дома, пристегнув ее к радиатору в ванной, где девочку и нашла соседка. Соседка и журналист, с которым та связалась, думали, что они спасли Симоне жизнь, но в детском доме жить было еще хуже. Когда мать наконец-то вернулась домой нежданно-негаданно, соседи вызвали полицию, но она успела сбежать до ареста. В тот же вечер она сиганула в холодную Темзу с Тауэрского моста и утонула. Симоне хотелось думать, что мать покончила с собой из чувства вины, но вообще-то это было маловероятно.

Симона подняла щетку и усилием воли расслабила дрожащие руки.

– Ну вот, теперь ты у нас красавица, Мэри. – Она отступила на шаг, восхищаясь своей работой. Тонкие волосы Мэри серебристым веером лежали на накрахмаленной белой подушке. Симона убрала щетку в шкафчик.

– А сейчас я тебе почитаю. – Из своей сумки, что стояла за пластмассовым стулом, на котором она сидела, Симона вытащила местную газету.

Начала она с гороскопа – из медицинской карты Мэри она знала, что та родилась под знаком Льва, затем прочитала свой собственный: знаком Симоны были Весы. Потом она вернулась на первую полосу и стала читать статью про врача из южной части Лондона, который был задушен в своей постели. Закончив, Симона положила газету на колени.

– Мэри, я никогда не понимала мужчин. Я не знаю, о чем думает мой муж, Стэн... Стэн – это сокращенно от Стэнли. Он как закрытая книга. Из-за этого я чувствую себя одинокой. Я рада, что у меня есть ты... Ты ведь меня понимаешь, да?

Мэри продолжала спать. Она была далеко, в том солнечном парке. Сидела на пледе с Джорджем, мужчиной, который разбил ей сердце.

Глава 12

Около шести вечера Эрика, Мосс и Питерсон вернулись в отделение полиции Луишем-Роу и напрямик направились в оперативный отдел, где уже собрались остальные члены следственной группы.

– Итак, Грегори Манро. Непонятная личность, – начала Эрика, обращаясь к своей команде. Она стояла перед демонстрационными досками. – Мать считает его святым; жена характеризует его как крайне закрытого человека, не определившегося со своими сексуальными наклонностями. Мы посетили его клинику, где столкнулись с двумя из его пациентов. У тех о его отношении к больным радикально противоположные мнения... Я полчаса провела на телефоне, беседуя с администратором клиники. Та, узнав, что ее босс умер, отправилась на день в Брайтон – шататься по барам под солнышком. Она проработала с ним пятнадцать лет, но понятия не

имела, что он разводится с женой, что та ушла от него три месяца назад.

– То есть он четко разграничивал работу и личную жизнь? – заметил Крейн.

– Можно и так сказать, – согласилась Эрика. – Мы запросили информацию по отзывам и жалобам на него со стороны пациентов. Администратор поначалу уперлась, но я пригрозила ордером, и она сменила тон. Должна все прислать до завтрашнего утра.

Эрика повернулась к демонстрационной доске, на которой теперь появился дополнительный материал. Фото Гэри Уилмслоу. На снимке волос у него на голове чуть больше, взгляд злой, под глазами мешки.

– Итак, пока у нас единственный подозреваемый – шурин жертвы, Гэри Уилмслоу. Мотив есть: он ненавидел Грегори, они несколько раз ссорились. Его сестра унаследует значительное состояние Грегори. Как семья Гэри, Пенни и их мать крепко держатся друг за друга – неразлейвода, если можно так выразиться. Что у нас есть на Гэри?

В комнату вошел старший суперинтендант Марш, и атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Сотрудники приосанились, встрепенулись. Марш присел за длинный стол с принтерами и жестом велел Эрике продолжать.

Поднялся Крейн.

– Итак, Гэри Уилмслоу, тридцати семи лет. Родился в Шерли, на юге Лондона. В настоящее время работает по шестнадцать часов в неделю вышибалой в ночном клубе в Пекаме... Так что еще и пособие по безработице получает [5 - В Великобритании по закону тот, кто претендует на получение пособия по безработице, обязан работать менее 16 часов в неделю. Это одно из условий. Другие: возраст соискателя – старше 18 лет и младше пенсионного возраста; соискатель не обучается по полной образовательной программе; соискатель проживает в Англии, Шотландии или Уэльсе.]. Очаровательный типчик. Послужной список как у участницы конкурса «Мисс Вселенная», – сухо доложил Крейн. Зажав в зубах ручку, он, порывшись на столе, нашел пухлую папку с досье, открыл ее. – Первый раз Уилмслоу предстал перед судом в несовершеннолетнем возрасте, в 1993 году за нападение на старика на автобусной остановке на Низден-Хай-стрит. Старик впал в кому на три дня, но потом пришел в себя и дал показания. За это преступление Гэри три года провел в тюрьме для малолетних преступников Фелтем. В 1999 году его привлекли к суду и признали виновным в нанесении тяжких телесных повреждений и нападении при отягчающих обстоятельствах – отсидел полтора года. Следующий раз он отбыл двухлетний срок, с 2004-го по 2006-й, за торговлю наркотиками. – Крейн листал толстое досье. – В 2006-м загремел на полтора года за избиение человека кием в бильярдной в Сиднэме. В 2008-м его обвинили в изнасиловании, но обвинения были сняты за недостаточностью улик. В прошлом году его снова судили за непредумышленное убийство.

– Это уже когда он стал работать вышибалой? – уточнила Эрика.

– Да, он работает в одном из ночных клубов Пекама – «H2O» или «Эйч двадцать», как называют его патрульные, – особый объект их ненависти по выходным. Адвокат Гэри Уилмслоу доказал, что его подзащитный действовал в целях самообороны, и Гэри осудили на два года. Через год он вышел по условно-досрочному... Что интересно, адвоката ему нанял не кто иной, как Грегори Манро.

Эрика повернулась к демонстрационной доске, глядя на фото Гэри. Остальные, откинувшись на спинки стульев, тоже молчали, осмысливая информацию.

– Ладно. Мы выяснили, что Гэри Уилмслоу – подонок. Судимостей у него выше крыши. Но он ли убийца? – спросила Эрика, показывая на фотографии с места преступления, на которых Грегори Манро лежал мертвый на кровати: руки привязаны к спинке изголовья, голова под полиэтиленовым пакетом неопределенной формы.

– Гэри Уилмслоу представил нам алиби, – сообщил Крейн.

– Свое алиби пусть в задницу засунет. Они все вместе смотрели дома телевизор! – язвительно произнес Питерсон, едва скрывая свою неприязнь.

– Да, но помните, что он находится на пробации, и Пенни стоит за него горой. Давайте не будем делать скоропалительных выводов, – сказала Эрика.

– Босс! Да вы посмотрите его досье! Он запросто мог убить. Я считаю, что нужно его арестовать.

– Я поняла вас, Питерсон, но это убийство было тщательно спланировано и столь же ювелирно исполнено – ни одной улики. Гэри Уилмслоу – злобный отморозок. – Эрика взяла у Крейна досье и пролистала его. – Все эти преступления совершены из внезапно возникшей неприязни – в порыве иступленной ярости.

– Наследование денег Грегори – очень серьезный мотив, – не сдавался Питерсон. – Три дома в Лондоне, медицинская практика. А страховку его видели? Грегори Манро наверняка застраховал свою жизнь на кругленькую сумму. К тому же Гэри его ненавидел. А способ проникновения можно было инсценировать.

– Хорошо, поняла, – сказала Эрика. – Но для его ареста у нас должно быть больше оснований.

Поднялся констебль Уоррен.

– Да. Что у вас? – спросила Эрика.

– Босс. Из лаборатории пришли дополнительные результаты. Четыре нитки, что сняли с проволочного ограждения в глубине сада... они с одежды черного цвета, хлопок с добавлением лайкры. К сожалению, биологического материала обнаружить не удалось.

– А что за домом? Железная дорога?

– Э... парк, – с запинкой отвечал Уоррен, нервничая из-за того, что Марш, сидя в конце комнаты, молча наблюдал за ходом совещания. – Небольшой. Местные жители разбили семь лет назад. С четверть мили он тянется вдоль железнодорожных путей в сторону центра Лондона, кончается перед железнодорожной станцией у Онор-Оук-роуд... Я уже запросил в компании «Юго-Западные железные дороги» записи с камер видеонаблюдения за тот вечер, когда произошло убийство.

– А какова протяженность парка в противоположном направлении? – спросила Эрика.

– От дома Грегори Манро парк простирается ярдов на сто и там упирается в тупик. Я запросил записи с видеокamer на прилегающих улицах, но несколько из них давно отключили.

- В целях экономии, очевидно? – предположила Эрика.
- Э... – замычал констебль Уоррен, – я точно не знаю...
- Вот не пойму, почему эти идиоты в правительстве решили, что отключение камер видеонаблюдения каким-то образом поможет сэкономить деньги... – начала Эрика.
- Старший инспектор Фостер, – перебил ее Марш, – камеры отключают не только здесь – по всему Лондону. В столице тысячи камер. У правительства просто не хватает ресурсов на то, чтобы все их обслуживать.
- Да, полтора года назад, когда мы пытались выследить убийцу, эти же камеры тоже не работали. Если бы мы имели доступ к записи хотя бы с одной из них, полиции это сэкономило массу денег и времени...
- Я вас понимаю, но здесь не место для обсуждения данной проблемы, – заметил Марш. – Продолжайте, пожалуйста.

Возникла неловкая пауза. Полицейские смотрели в пол.

- Ладно. Достаньте все записи, какие можно. Посмотрите, не засветился ли на них кто-то подозрительный. Нужна любая информация: рост, вес... Прибыл на поезде, на велосипеде, на автобусе, на машине...
- Слушаюсь, босс, – сказал констебль Уоррен.
- Что с поквартирным опросом? Удалось достать выписки с банковских счетов и информацию с телефона жертвы? – спросила Эрика.

Поднялась констебль Сингх.

- Многие из тех, кто живет на Лорел-роуд, сейчас находятся в отпусках, многих в вечер убийства не было дома. В такую погоду народ после работы идет в парки и пабы, гуляет допоздна. Соседи Грегори Манро из домов, что стоят по обе стороны от его дома, до выходных на отдыхе.
- Значит, никто ничего не видел? – нетерпеливо произнесла Эрика.
- Э... нет.
- Проклятье. Что еще?
- Годовая зарплата Грегори Манро составляла ?200 000. Отчасти благодаря тому, что он руководил одной из крупнейших и прибыльных клиник широкого профиля в южной части Англии. Долгов нет, не считая закладной на восемьдесят тысяч на дом, где он жил на Лорел-роуд. Ему также принадлежат дом в районе Нью-Кросс-Гейт, который он сдает студентам, и дом в Шерли, где сейчас живет Пенни Манро. В распечатках с его телефона все довольно прозрачно, ничего необычного. Как и показала его жена, он действительно звонил ей три дня назад, накануне своего запланированного отъезда. По документам все сходится. Он действительно собирался лететь в Ниццу на конференцию БМА.
- Он зарегистрирован на каком-нибудь сайте или в приложении для геев?

– Месяц назад он загрузил «Грайндр»[6 - «Грайндр» (Grindr) – приложение, обеспечивающее доступ к геосоциальной сети для геев и бисексуальных мужчин.] – мы нашли это приложение в его телефоне, – но профиль свой не завел.

– Что с его адвокатом? С тем, что занимается разводом?

– Я оставила ему несколько сообщений, но он пока не откликнулся.

– Хорошо, не оставляйте попыток связаться с ним.

– Слушаюсь, босс. – Сингх, расстроенная, села на место.

Члены следственной группы смотрели, как Эрика вышагивает перед демонстрационными досками.

– Это Гэри Уилмслоу, босс. Думаю, хочешь не хочешь, а мы должны его арестовать, – настаивал Питерсон.

– Нет. Он – подонок, не спорю, но это недостаточное основание для ареста.

– Босс!

– Нет, Питерсон. Если и когда мы его арестуем, я хочу быть уверена, что у нас есть веские доказательства для обоснования его задержания, ясно?

Питерсон откинулся на спинку стула, качая головой.

– Сколько угодно можете качать головой. Но не позволяйте чувствам влиять на ваше суждение. Когда придет время – если оно придет, – мы его возьмем. Ясно?

Питерсон кивнул.

– Вот и отлично. Так, у кого-нибудь еще что-то есть для меня?

Молчание. Эрика глянула на часы.

– Ладно... Давайте займемся Гэри Уилмслоу, но без предубеждения. Свяжитесь с его работодателем, покопайте. Пообщайтесь с осведомителями.

В оперативном отделе мгновенно поднялся гомон. К Эрике подошел Марш.

– Эрика, когда закончите здесь, у вас найдется время поговорить?

– Да, думаю, мы пробудем здесь еще несколько часов, сэр.

– Не дергайтесь. Когда освободитесь, скажите. Выпьем кофе. – Марш направился к выходу.

– Дважды за день угощать меня кофе? – с подозрительностью пробормотала себе под нос Эрика. – Что бы это значило?

Глава 13

К удивлению Эрики, Марш повел ее в кафе, специализировавшееся на йогуртовом мороженом. Оно находилось недалеко от отделения Луишем-Роу, открылось несколько дней назад, и народу там было много.

– Я обещал Марси посмотреть, что это за место, – объяснил Марш, вместе с Эрикой вставая в очередь. Интерьер кафе был оформлен в кричащих ярких розово-желтых красках.

– Подбодрить меня хотите? Или показываете, что полиция экономит не на всем? – пошутила Эрика.

– Мой кабинет под самой крышей. Мне нужно охладиться, – ответил Марш. Они дошли до молодой продавщицы, стоявшей перед гудящим раздаточным устройством, и Марш заказал себе и Эрике большие порции. Девушка дала им по бумажному стакану с йогуртовым мороженым, и они перешли к прилавку самообслуживания, заставленному тарелочками со сладостями, фруктами и шоколадом. Марш с серьезным видом принялся рассматривать ассортимент и в конце концов выбрал «мармеладных мишек». Эрика, подавив улыбку, взяла салат из свежих фруктов.

– Как устроились в новой квартире? – любопытствовал Марш, когда они нашли два свободных местечка у большого окна и взгромоздились на высокие табуреты. В зале стоял оживленный гул. Мимо по дороге ползли машины, на солнце мерцал плавящийся от жары асфальт. Из вестибюля железнодорожной станции, что находилась на другой стороне улицы, высыпали пассажиры.

– Я уже полгода там живу. Тихое место, мне нравится, – ответила Эрика, кладя в рот ложку холодного йогурта.

– Не думали о том, чтобы купить жилье в Лондоне? – спросил Марш.

– Не знаю. Вроде бы уже привыкаю здесь и на работе тоже, но цены бешеные. Ведь здесь даже самая вшивая дыра стоит двести штук.

– Снимая квартиру, вы бросаете деньги на ветер, а цены так и будут расти, Эрика. Если намерены приобрести здесь жилье, не тяните. У вас в Манчестере есть дом. Выпроваживайте своих жильцов и продавайте. Займите свою нишу в здешней иерархии собственников жилья.

– Вы по вопросам недвижимости тоже консультируете? – улыбнулась Эрика.

Марш не рассмеялся. Он сунул в рот очередную ложку мороженого. В чашке мерцали на солнце разноцветные «мармеладные мишки».

– Гэри Уилмслоу трогать не надо, – сказал Марш, внезапно меняя тему разговора.

– Вы же присутствовали на совещании в оперативном отделе, сэр, – удивилась Эрика. – Я не собираюсь преследовать его, пока у нас нет неопровержимых доказательств.

– Не трогайте его. Вообще. Он неприкосновенен. – Марш чуть опустил голову, глядя

на Эрику поверх солнцезащитных очков.

– Можно узнать, почему, сэр?

– Нет. Я ваш начальник и отдаю вам приказ.

– Вы же знаете, со мной такие номера не проходят. Оставьте меня в темноте, и я обязательно отыщу выключатель.

Марш сунул в рот еще одну большую ложку мороженого и подержал немного, прежде чем проглотить. Потом снял очки и положил их на стол.

– Господи. Ну хорошо. Слышали про операцию «Хемслоу»?

– Нет.

– Операция «Хемслоу» направлена на борьбу с известными нам лицами, которые занимаются финансированием и распространением детской порнографии. Гэри Уилмслоу – одно из звеньев порнопедофильной цепи, и дело у них поставлено с размахом: распространение цифровых записей через веб-сайты, в меньшей степени – изготовление DVD. Последние восемь месяцев мы следим за ним, но он скользкий тип. Последние пять недель он постоянно находится под нашим наблюдением 24 часа в сутки.

– И вам нужно, чтобы он оставался на свободе и делал свое дело, чтобы взять его с поличным?

– Правильно мыслите.

– Но Питер – его племянник! Он живет с ним под одной крышей!

– Все нормально. Мы уверены, сам Уилмслоу не занимается поставкой детей для видео.

– Вы уверены?

– На сто процентов.

– Боже, – промолвила Эрика, отодвигая от себя мороженое.

– Я доверил вам секретную информацию, Эрика. Надеюсь, дальше вас это никуда не пойдет.

– Хорошо, хорошо. Но нельзя ли как-то убрать оттуда Питера, да и Пенни тоже?

– Вы знаете, что в таких случаях мы стараемся свести риск до минимума при обеспечении безопасности, но у нас пока мало конкретных фактов, которые дали бы основание взять Питера под опеку. Как я уже сказал, Гэри находится под круглосуточным наблюдением. Мы будем знать, если он заберет ребенка.

– То есть, раз Гэри находится под наблюдением, вы точно знаете, что он не убивал Грегори Манро?

– Да. Его алиби подтверждается. Он весь вечер сидел дома.

– И вы уверены, что Гэри Уилмслоу не имеет отношения к убийству Грегори Манро, и оно никак не связано с операцией «Хемслоу»?

– Абсолютно. Грегори Манро вообще никогда не всплывал на нашем горизонте. Надеюсь, вы найдете способ увести свою команду в другом направлении. На вашем месте я рассматривал бы версию ненависти к гомосексуалистам. Слили бы это дело одной из следственных групп, которые занимаются расследованием убийств на сексуальной почве.

– Кто вам сказал, что убийство Грегори Манро совершено на сексуальной почве? Пока что у нас только косвенные улики.

– Но этими косвенными уликами вполне можно воспользоваться, Эрика. Конечно, вам решать, но вы оказали бы себе услугу, если бы сбагрили это дело.

– По-моему, у них своих забот хватает, сэр.

– А у кого их мало? – Марш выскреб из чашки остатки мороженого.

– В общем, пришли к тому, с чего начали. – С минуту Эрика сидела в угрюмом молчании, наблюдая за прохожими, что шли мимо окна. Все они казались счастливыми, радуясь солнечному дню.

– Кстати, появилась вакансия суперинтенданта, – сообщил Марш, проглотив мороженое.

Эрика снова обратила на него взгляд.

– Надеюсь, сэр, вы подадите на повышение мою кандидатуру, если уже не подали? Засиделась я в старших инспекторах, и я заслуживаю...

– Постойте, постойте, вы ведь даже не знаете, где это, – заметил Марш.

– Мне все равно, где.

– Вы же только что сказали, что уже привыкли жить здесь!

– Привыкла, но в последнее время у меня такое ощущение, что про меня забыли. В прошлом году была должность суперинтенданта, ее отдали другому, и вы не...

– Я считал, что вы еще не готовы.

– И что дает вам право принимать такое решение, Пол? – вспыхнула Эрика.

Брови Марша взвились над темными очками.

– Эрика, вы тогда только-только вернулись на службу после тяжелого ранения, перенесли сложную операцию, не говоря уже про психологическую травму...

– А еще я успешно вычислила преступника, совершившего четыре убийства, и на блюдечке преподнесла столичной полиции главаря румынской банды, нелегально поставлявшей в Англию проституток из Восточной Европы!

– Эрика, никто вас не поддерживает так, как я, но надо овладевать навыками тактического лавирования. Для продвижения по служебной лестнице в полиции недостаточно быть гениальным сыщиком – нужно еще обладать служебным чутьем. Было бы неплохо, если бы вы наладили отношения с помощником комиссара Оукли.

– Моих достижений должно быть достаточно. У меня нет ни времени, ни желания лизать задницы начальству.

– Да не надо ничего лизать. Просто будьте немного... покладистее.

– Так где освобождается должность суперинтенданта?

– Здесь, в столичной полиции, в Скотленд-Ярде, в Отделе расследования нераскрытых преступлений.

– Так вы выдвинете меня, да? – настаивала Эрика.

– Да.

Эрика пристально посмотрела на Марша.

– Я подам вашу кандидатуру, – повторил он.

– Спасибо. Значит, у меня тем более есть основания не трогать Гэри Уилмслоу?

– Да. – Марш постучал ложкой в пустой чашке. – Хотя из эгоистических соображений мне жалко вас терять.

– Уверена, вы это переживете, – криво усмехнулась Эрика.

У Марша в кармане зазвонил телефон. Он вытер рот, достал аппарат. Когда ответил, сразу стало ясно, что ему звонит жена, Марси.

– Черт, – выругался он, положив трубку. – Совсем потерял счет времени. Сегодня мы планировали провести вечер вдвоем. Мама Марси забрала детей.

– Понятно. Марси привет. Мне тоже пора бежать, – солгала Эрика.

– Ладно, завтра состыкуемся, – сказал Марш. Эрика смотрела, как он вышел из кафе и остановил ехавшее мимо такси. Не отнимая телефона от уха, Марш сел в машину, и такси тронулось с места.

Люди вокруг наслаждались солнечной погодой, гуляя парами или в компании друзей.

Эрика положила в рот большую ложку йогуртового мороженого и задумалась.

Интересно, Марш специально ляпнул про повышение, чтобы задобрить ее, или его обещание было искренним? Она вспомнила дело Грегори Манро и про то, что она вернулась к тому, с чего начала.

– Черт! – громко произнесла Эрика.

Две девушки, сидевшие рядом у окна, переглянулись и, взяв свои стаканы с мороженым, перешли за другой столик.

Глава 14

СОВА: Привет, Герцог.

ГЕРЦОГ: Слава богу. Ты долго молчала. Я уж стал волноваться.

СОВА: Волноваться?

ГЕРЦОГ: Да. Ты не появлялась в Сети. Я подумал, что тебя...

СОВА: Что?

ГЕРЦОГ: Сама знаешь. Не хочу печатать.

СОВА: Арестовали?

ГЕРЦОГ: Будь осторожна.

СОВА: У нас криптографическая защита. Непрошибаемая.

ГЕРЦОГ: Никогда не знаешь, кто за тобой наблюдает.

СОВА: У тебя паранойя.

ГЕРЦОГ: Это еще не самое страшное.

СОВА: Что ты имеешь в виду?

ГЕРЦОГ: Ничего. Просто соблюдаю осторожность. И тебе советую.

СОВА: Я слежу за новостями, просматриваю газеты. Им ничего неизвестно.

ГЕРЦОГ: Будем надеяться, что они не догадаются.

СОВА: Хочу еще одного убрать.

ГЕРЦОГ: Уже?

СОВА: Да. Времени мало. Я уже веду наблюдение за следующим в своем списке. Скоро приступлю к исполнению.

ГЕРЦОГ: Уверена?

СОВА: На все сто. Организуешь кое-что для меня?

Герцог молчал. На экране запузырились точки, выстраивавшиеся в запись: ГЕРЦОГ печатает...» Вскоре запись исчезла.

СОВА: Ты еще здесь?

ГЕРЦОГ: Да, сделаю.

СОВА: Отлично. Буду ждать. Этот опомниться не успеет.

Глава 15

Когда Эрика вышла из душа, уже сгущались сумерки. Завернувшись в полотенце, она босиком прошлепала в спальню и включила свет. Она снимала небольшую квартиру на первом этаже старого жилого дома в Форест-Хилл, стоявшего на зеленой улице чуть в стороне от центральной дороги. Эрика жила здесь уже полгода, но квартира по-прежнему оставалась голой, словно она только что переехала. В чистой спальне царила спартанская обстановка.

Эрика прошла к комоду, над которым висело зеркало в золоченой раме, и глянула на свое отражение. Лицо, смотревшее на нее, не дышало уверенностью. Короткие светлые волосы с проседью всклокочены. В молодости Эрика никогда не переживала за свою внешность. Природа наградила ее привлекательным славянским лицом с высокими скулами, гладкой кожей и миндалевидными зелеными глазами. Но теперь в уголках этих самых глаз собирались морщинки, да и на лбу морщин было много, а кожа лица утратила упругость.

Эрика перевела взгляд на стоявшую у зеркала фотографию в рамке, с которой ей улыбался красивый темноволосый мужчина – ее покойный муж Марк. Ей казалось, она никогда не свыкнется с мыслью, что его больше нет. Горе усугубляло чувство вины – ответственность за его гибель лежала на ней, – по нескольку раз на день пронзавшее ее сердце. Неожиданностью для Эрики стало ее отношение к старению. В ее восприятии каждый минувший год еще больше отдалял их друг от друга. В ее воспоминаниях, на фотографиях Марк оставался таким, каким был до смерти. Она с течением времени превратится в старуху, а Марк всегда будет молодым и красивым.

Несколько дней назад по дороге на работу она услышала по радио песню «Вечно молодые» в исполнении группы «Альфавиль»[7 - Alphaville – немецкая синтипоп-группа, имевшая большую популярность в середине 1980-х гг. Образовалась в 1982 г. Группа получила мировую известность благодаря двум хитам – Big in Japan и Forever Young, вышедшим в 1984 г.]. Ей пришлось остановить машину, чтобы совладать со своими эмоциями.

Эрика провела пальцами по рамке с фотографией, потом – по линиям волевого подбородка Марка, его носа, теплых карих глаз. Взяла фото, подержала в руке, ощущая тяжесть рамки. Выдвинув верхний ящик комода, она глянула на аккуратно сложенное нижнее белье, затем приподняла одну стопку, намереваясь положить под нее снимок. Пару секунд помедлила и убрала руку. Ящик задвинула, а фото в рамке снова поставила на полированную деревянную поверхность.

Через пару недель исполнится два года со дня смерти Марка. Из глаза выкатилась слеза, с тихим шлепком упавшая на комод. Эрика не была готова отпустить его. Ее страшило, что однажды такой день настанет.

Она отерла лицо и прошла в гостиную. Как и спальня, эта комната была чистая и функциональная. Диван, журнальный столик, перед ними – небольшой телевизор. Книжные полки вдоль стены по левую сторону от окон, выходящих во внутренний дворик. На подоконниках – рекламные листки кафе, отпускающих обеды на дом, телефонные справочники и роман «Пятьдесят оттенков серого» в мягкой обложке, забытый предыдущим жильцом. На диване лежали открытые папки с копиями досье Гэри Уилмслоу и материалами дела по убийству Грегори Манро, на журнальном столике светился экран ноутбука. Чем больше она читала о Гэри Уилмслоу, тем больше досадовала и раздражалась. Питерсон был прав: у Гэри был веский мотив для убийства Грегори Манро, а ей вот теперь велено оставить его в покое.

Эрика взяла сигареты и открыла дверь, что вела во двор. Луна освещала небольшой общий садик – квадратик ухоженного газона с силуэтом яблони на дальнем краю. Соседи, как и она, работали с утра до вечера и жили замкнуто. Эрика вытащила из пачки сигарету и запрокинула голову, проверяя, горит ли свет в верхних окнах. От кирпичной стены, поднимавшейся вверх на четыре этажа, прямо в лицо ей веяло жаром. Закуривая, она помедлила, обратив внимание на большую белую коробку на стене с красной маркировкой «ОХРАНА ДОМОВ».

Что-то сверкнуло в глубине сознания. Эрика поспешила в дом. Зажав меж зубами сигарету, она схватила папку с материалами дела Грегори Манро и принялась листать ее, пропуская свидетельские показания и фотографии. Зазвонил телефон. Она ответила, подбородком подпирая телефон у уха, чтобы не занимать руку, и продолжала рыться в папке.

– Привет, Эрика, это я, – зазвучал в трубке голос Айзека.

– Да? – рассеянно отозвалась Эрика. Сейчас ей было не до разговоров по телефону – ее больше интересовали материалы дела. – Что-то новое по убийству Грегори Манро?

– Нет, я не по работе. Просто хотел извиниться за вчерашний вечер... Конечно, я должен был предупредить, что на ужине будет Стивен. Знаю, я тебя пригласил, и ты подумала...

– Айзек, твоя личная жизнь – это твое дело, – машинально перебила его Эрика. Она толком и не вникала в разговор, продолжая просматривать снимки комнат в доме Грегори Манро. Крупным планом кухня, еда на столе... Она знала, что на одном из фото заметила что-то, но что именно, никак не могла сообразить.

– Да, но я хотел бы загладить вину, – сказал Айзек. – Придешь на ужин в четверг?

Эрика перевернула страницу и замерла, рассматривая снимок.

– Ты слушаешь? – спросил Айзек.

– Да... Да, с удовольствием. Мне пора. – Не дожидаясь ответа от Айзека, Эрика повесила трубку и кинулась в спальню одеваться.

Айзек разговаривал с Эрикой, стоя у кровати. Когда в трубке зазвучали гудки, он сел и с минуту смотрел на телефон.

– Бросила трубку. Ну, может, и не бросила, но как-то резко оборвала разговор, – сказал он.

Стивен, лежа рядом, работал на своем ноутбуке.

– Я же говорил: синий чулок, – отозвался он, продолжая печатать.

Айзек наблюдал, как на светящемся экране одно за другим струятся слова.

– Ты несправедлив, Стиви. Она – несчастная женщина. Все еще скорбит по мужу, мучается чувством вины за его смерть. К тому же она работает не в той среде, которая располагает к проявлению чувств.

– Предсказуемо. Банально. Пережившая трагедию женщина-полицейский не видит никого и ничего, кроме своей работы, – прокомментировал Стивен, продолжая печатать.

– Ты слишком суров, Стиви.

– Жизнь сурова.

– А как же книги, что ты пишешь? Твой старший инспектор Бартоломью тоже с прибабахом.

Стивен поднял голову от экрана.

– Да, но старший инспектор Бартоломью далеко не банален. Он куда более многослойная личность, чем как ее там...

– Эрика.

– Он – антигерой. Меня хвалят за то, что я создал столь оригинальный образ порочного гения. Я, черт возьми, на «Кинжал» [8 – Премия «Кинжал» (Dagger Award) – премия британской Ассоциации писателей-криминалистов, основанной в 1953 г. Джоном Криси.] номинирован!

– Стиви, я тебя не критикую.

– Не приплетай к моей работе свою несчастную подругу-сыщицу.

Последовало неловкое молчание. Айзек принялся собирать обертки от шоколадных конфет, валявшиеся на одеяле вокруг Стивена.

– Я хочу, чтобы ты узнал ее получше, – произнес Айзек. – Вне работы она совсем другая. Я хочу, чтобы вы подружились. Ты ведь слышал, что я пригласил ее на ужин.

– Айзек, меня сроки поджимают. Вот сдам книгу, тогда, конечно, наверно, я мог бы выпить с ней кофе, – ответил Стивен, стуча по клавиатуре. – Прошлый раз она не

очень-то приветлива была со мной. Это она должна сделать шаг навстречу, а не я.

Айзек кивнул, глядя на красивое лицо Стивена и его обнаженный торс. Кожа у него была безупречно гладкая. Мерцала в мягком сиянии, отбрасываемом светящимся экраном ноутбука. В глубине души Айзек понимал, что он одержим Стивеном, и что эта одержимость губительна и опасна, но без Стивена ему было невыносимо. Невыносимо просыпаться по утрам и видеть рядом с собой в постели пустое место.

Стивен, печатая, морщил лоб.

– Чем ты занят, Стиви?

– Провожу кое-какие изыскания. Сажу в чате, обсуждая способы самоубийства. – Он поднял глаза на Айзека. – Не волнуйся. Я просто собираю материал для новой книги.

– Народ в соцсетях обсуждает способы самоубийства? – Айзек приковался взглядом к экрану, сминая в комок обертки от шоколада.

– Да. В Интернете есть чаты, посвященные всем мыслимым и немыслимым причудам и фетишам, хотя самоубийство – не обязательно фетишизм. Здесь люди на полном серьезе обсуждают, как лучше свести счеты с жизнью – самые надежные способы, чтобы никто и ничто не могло помешать. Вот послушай...

– Не хочу, – отказался Айзек. – Я видел слишком много самоубийц: передозировки, повешение, перерезанные вены, отравления бог знает чем. Самые жуткие – прыгуны. На прошлой неделе возился с девочкой-подростком, нырнувшей с эстакады Хаммерсмит. Она ударилась об асфальт с такой силой, что челюсть вдавилась в мозг.

– Боже, – протянул Стивен, снова посмотрев на него. – Можно я это использую?

– Что?

– Отличная история. Я мог бы использовать ее в своей книге.

– Нет! – Айзек почувствовал себя уязвленным.

Стивен снова застучал по клавиатуре.

– Да, и не заглядывай в мою историю поиска в Google. Там полно вопросов типа: «За какое время кожа истлевает, если труп похоронен в свинцовом гробу?»

– Я и так мог бы тебе сказать.

– Ты только что заявил, что не желаешь говорить о работе!

– Помочь я могу. Я не сказал, что не буду помогать. Просто не хочу говорить об этом сейчас.

Вздохнув, Стивен положил ноутбук на прикроватную тумбочку.

– Пойду перекурю. – Он взял сигареты и направился к балконной двери.

– Если идешь на балкон, надень что-нибудь, – бросил ему вслед Айзек, глядя на узкие черные плавки, что были на Стивене.

– Зачем? Уже поздно. И темно.

– Затем... Это Блэкхит. Мои соседи – уважаемые люди. – Здесь он немного покривил душой. Недавно рядом поселился парень, который, как подозревал Айзек, был гей. Он страшно боялся, что его сосед и Стивен познакомятся. В конце концов Стивен раз уже бросал его.

– Внешне, может, и уважаемые. А кто знает, что происходит за закрытыми дверями? – поддразнивающим тоном произнес Стивен.

– Прошу тебя... – Айзек попытался его обнять, но Стивен, закатив глаза, увернулся и натянул на себя футболку. Сунув в зубы сигарету, он пошел на балкон. Айзек провожал его взглядом, любясь высокой атлетичной фигурой Стивена, его упругими ягодицами, обтянутыми плавками, его капризными губами, из которых свисала сигарета.

Как профессионал Айзек не имел себе равных: высококвалифицированный судмедэксперт, он сделал блестящую карьеру. Он досконально знал свое ремесло и руководствовался только собственным мнением. Однако в личной жизни Айзек был абсолютно беспомощен. Стивен Линли перевернул его мир вверх тормашками. Стивен задавал тон в их отношениях и манипулировал его чувствами. Айзека это одновременно волновало и нервировало.

Он взял ноутбук Стивена. На экране участники чата вели активную переписку. Он минимизировал окно сайта, и на экране появился текст нового романа, над которым работал Стивен. В книгах Стивена властвовала мрачная атмосфера жестокости. Читать их было неприятно, но Айзека влекло к ним, и ему стыдно было признать, что его воображение волнуют зло и насилие и то, как Стивену удастся проникать в темные закоулки сознания серийных убийц с садистскими наклонностями.

Он уже хотел приступить к чтению, но потом опомнился: ведь он обещал не читать роман, пока тот не будет закончен. Айзек положил ноутбук на место и пошел на балкон, как верный пес, скучающий по хозяину.

Глава 17

На Лорел-роуд было тихо и спокойно. Эрика вставила ключ в замок входной двери дома Грегори Манро и сорвала с нее печать. Она повернула ключ, толкнула дверь, содрав остатки липкой печати, и ступила в прихожую. Послышалось тревожное пиканье, и она увидела светящуюся в темноте панель системы охранной сигнализации.

– Черт, – пробормотала Эрика. Она не предвидела, что криминалисты после осмотра снова поставят дом на сигнализацию. Эрика смотрела на панель, зная, что в запасе у нее всего несколько секунд: потом будут оповещены полицейские, начнется отвлекающая от дел бумажная волокита, ей придется объяснять свое присутствие в доме жертвы. Она набрала комбинацию цифр «4291», и пиканье прекратилось. Это был

дежурный код, который часто использовали, сдавая на охрану дом, в котором было совершено преступление. Конечно, это было рискованно, зато полиция сэкономила целое состояние на штрафах за ложные вызовы службы охраны.

В доме стояла удушающая жара, в темноте все еще витал едва ощутимый гнилостный трупный запах от тела Грегори Манро. Эрика щелкнула выключателем, и прихожую озарил свет, едва добивавший до лестницы, поднимавшейся в темноту. Интересно, подумалось ей, что почувствовал бы здесь человек, который не знает, что это – место преступления? Ей самой казалось, что в доме по-прежнему живет дух насилия.

Она прошла мимо лестницы в кухню, включила свет. Нашла то, что увидела на фото: пробковую доску возле холодильника, на которую были прикреплены меню из нескольких ресторанов, отпускающих еду на дом, написанный от руки список покупок и рекламный листок некоей охранной компании: «ДОМ ПОД ОХРАНОЙ».

Эрика сняла листок с пробковой доски. Дизайн был профессиональный, но использовалась бумага для печати на обычном струйном принтере. На черном фоне – название фирмы, исполненное красным цветом: «Дом под охраной». Буква «о» постепенно трансформировалась в образ свирепой немецкой овчарки. Под названием – номер телефона и адрес электронной почты. Эрика перевернула листок. На обратной стороне внизу синей шариковой ручкой была сделана надпись: МАЙК, 21 ИЮНЯ, 18.30.

Эрика вытащила свой мобильный и набрала номер, указанный на рекламном листке. Сначала в трубке было глухо, потом раздался пронзительный гудок и следом автоответчик сообщил ей, что данный номер больше не обслуживается. Эрика прошла к большой раздвижной стеклянной двери в глубине дома и открыла ее, подергав ручку туда-сюда. Дверь с шумом раздвинулась. Эрика шагнула на террасу. На задней стене дома над стеклом висела белая коробочка с красной маркировкой «ОХРАНА ДОМОВ» – такая же, как на стене дома, в котором она снимала квартиру.

Эрика вернулась в дом и позвонила Крейну. Когда он ответил, его голос звучал на фоне орущего телевизора.

– Прошу прощения за поздний звонок. Это старший инспектор Фостер. Вы можете говорить? – спросила она.

– Подождите минутку, – послышался шорох, и затем ор телевизора удалился.

– Простите. Я вас с постели подняла, Крейн?

– Нет, все нормально. Вы как раз вовремя – спасли меня от «Настоящих домохозяек Беверли-Хиллз». Карен, подружка моя, это шоу обожает, а я и так на работе целыми днями имею дело с агрессией. Мне совершенно не улыбается по возвращении домой смотреть, как бесятся какие-то чокнутые домохозяйки. Так чем обязан, босс?

– Я по поводу Грегори Манро. Я просматривала распечатки с его телефона и обратила внимание, что 19 июня он звонил в некую фирму по обслуживанию систем охранной сигнализации – «Дом под охраной».

– Подождите, сейчас включу компьютер. Ну да, точно, «Дом под охраной». Один из номеров, которые я проверял сегодня утром.

– И что?

– Оставил сообщение на их автоответчике, потом какой-то парень перезвонил и подтвердил, что некто по имени Майк приходил к Манро по заявке. Проверил систему. Все датчики и сигнальные устройства были в норме, работали исправно.

– Как вам этот парень по голосу?

– Да вроде нормальный. Гнусавил малость, знаете, как это делают спесивые умники. А что?

– Я сейчас звонила по этому номеру. Его не существует. Отключили, – объяснила Эрика.

– Что? – Эрика услышала, как Крейн застучал по клавиатуре, потом до нее донеслось звонкое «бип».

– Я только что послал сообщение на электронный адрес, что указан в рекламе. Оно вернулось. Ошибка подсистемы доставки почты. Сообщение не может быть доставлено, – сказал Крейн.

Эрика снова вышла в темный сад и устремила взгляд на белеющую в ночной мгле коробку с маркировкой «ОХРАНА ДОМОВ».

– Боже, босс. Думаете, это был убийца?

– Да. Рекламный листок, вероятно, ему дали прямо в руки, и, предположительно Грегори Манро позвонил по указанному телефону и договорился, чтобы этот Майк пришел...

– Майка пригласили в дом, и он разведал обстановку: расположение комнат, систему сигнализации, охранное освещение, все, – закончил Крейн.

– И скорей всего сегодня ты говорил с этим Майком. Он перезвонил тебе с номера фирмы «Дом под охраной».

– Черт. Что я должен сделать, босс?

– Нужно отследить тот телефон и адрес электронной почты. Как можно быстрее.

– Номер наверняка одноразовый, но я попробую.

– Также нужно еще раз опросить жителей на Лорел-роуд, подробно расспросить обо всех курьерах и экспедиторах, которых там видели. В частности, видел ли кто-нибудь этого Майка 21 июня.

– Хорошо, босс. Я прямо сейчас могу прогнать кое-что через компьютер. Буду держать вас в курсе.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика. В телефоне раздался щелчок: Крейн положил трубку. Она пошла к забору, огораживавшему двор с задней стороны дома. Под ее ногами шуршала сухая трава. По-прежнему было тихо и спокойно. Откуда-то издалека донесся едва слышный рокот проехавшего автомобиля, стрекотали сверчки. Эрика вздрогнула от неожиданности, когда окружавшее ее безмолвие сотрясло громыхание поезда, мчавшегося по железной дороге, что пролегла за садом.

Она приблизилась к забору и присела на корточки под деревом, рассматривая то место в ограждении, где проволока была аккуратно разрезана. Отогнув ее, Эрика пролезла в дыру и через высокую сухую траву выбралась на тропинку. С минуту постояла, обволакиваемая теплом вечера, пока глаза не привыкли к темноте. Потом пересекла узкую тропинку и через брешь в высоких деревьях вышла к железной дороге, убегавшей вдаль. Эрика вернулась на тропинку, достала телефон, включила встроенный в него фонарик, направляя луч вправо и влево. Фонарик освещал тропинку на несколько шагов, а потом та терялась в темноте среди деревьев. Эрика присела под деревом на краю сада и обратила взгляд на дом. Казалось, он смотрит на нее: два темных окна на верхнем этаже были похожи на глаза.

– Так ты наблюдал отсюда? – тихо промолвила Эрика, разговаривая сама с собой. – Сколько времени ты провел здесь? Что видел? Тебе это не сойдет с рук. Я тебя найду.

Глава 18

Утро еще только началось, а солнце уже палило нещадно. Выжженные газоны перед домами из красного кирпича, что стояли в ряд вдоль улицы, переливались всеми оттенками желтого. Час пик миновал, на дороге было пустынно. Лишь в ясном голубом небе летел самолет, оставляя за собой след.

По пути домой после ночной смены в больнице Симона зашла в супермаркет и теперь, нагруженная пакетами, еле-еле тащилась по тротуару. Пластиковые ручки впивались в ладони, причиняя почти нестерпимую боль; под плотным жакетом с нее градом лил пот, разъедавший воспаленный рубец на животе, который саднил и горел еще и от того, что об него терлась ткань униформы. Симона добрела до обветшавшего дома в конце улицы и толкнула калитку. Та нижним краем упиралась в бетонную дорожку. Симона яростно налегла на нее раз, второй. Калитка внезапно распахнулась, и она буквально влетела во двор, едва устояв на ногах.

Тихо бранясь, Симона быстрым шагом дошла до входа и со стуком опустила пакеты на крыльцо. Посмотрела на свои ладони, иссеченные глубокими красными бороздами. Из дома по соседству появилась пожилая женщина в элегантном платье. Запирая входную дверь, она поглядывала на Симону. Та рылась в карманах жакета, ища ключи. Взгляд соседки скользнул по покосившемуся забору между их участками, по выжженному газону, захламленному старой стиральной машиной, пустыми банками из-под краски и кучей гниющей ежевики, и снова остановился на Симоне, которая теперь стояла неподвижно, глядя на нее.

– О, миссис Мэтьюз, доброе утро, – поздоровалась соседка. Симона не ответила – молча смотрела на нее большими голубыми глазами. Соседку ее взгляд нервировал. Он был мертвенный, в широко расставленных глазах – ни проблеска чувств. – Чудесный день...

Симона продолжала сверлить ее злобным взглядом, пока та не поспешила прочь.

– Вечно нос свой всюду сует, стерва, – пробормотала Симона, затем повернулась и вставила ключ в замок. В замызганной прихожей громоздились кипы старых газет. Симона втащила пакеты с покупками в дом и бросила ключи на старый деревянный

стол. Потом повернулась, закрыла входную дверь. Некогда она была красивой, эта дверь, украшена витражом с ромбовидным узором. В солнечные дни витраж отбрасывал мозаику мягких красок на выцветший ковер в прихожей. Теперь он был заколочен; над доской, прибитой к дверной раме, виднелись лишь несколько синих ромбиков.

Симона заперла дверь, повернулась, и у нее от страха сдавило горло. Посреди коридора стоял мужчина с открытым ртом и глазами, затянутыми белой пеленой. Он был голый, по его рыхлому дебелому телу стекали капли воды.

Она попятилась, почувствовала, что в спину вдавилась дверная ручка. Зажмурилась, снова открыла глаза. Он по-прежнему был там. Теперь вода лилась с него тонкими ручейками – струилась по огромному волосатому животу, по светлой поросли вокруг гениталий. На ковре под ним расплывалось темное круглое пятно от воды, которая стекала с него все быстрее и быстрее. Симона снова зажмурилась и разжала веки. Пошатываясь, он двинулся на нее, длинными желтыми ногтями на пальцах ног цепляясь за ковер. Она ощущала его дыхание. Вонь лука в смеси с перегаром.

– Нет! – крикнула Симона. Она закрыла глаза, вдавливая кулаки в лицо. – ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ПРИЧИНИТЬ МНЕ БОЛЬ, СТЭН! ТЫ УМЕР!

Она открыла глаза.

Коридор был такой, как прежде: обшарпанный и сумрачный, но пустой. С улицы донеслось тихое гудение еще одного самолета, летящего в вышине. Она слышала собственное учащенное дыхание.

Он исчез.

На время.

Глава 19

Через неделю, после того как было обнаружено тело Грегори Манро, после обеда – в этот день стояла одуряющая жара – Эрику вызвали на совещание по делу Грегори Манро, которое проводилось в отделении Луишем-Роу. Идя на совещание, она чувствовала себя неуверенно: расследование застопорилось, и она начинала сомневаться в собственном профессионализме.

Совещание проходило в стильно оформленном конференц-зале. На нем присутствовали старший суперинтендант Марш, Коллин Скэнлан, степенная и почтенная, как матрона, пресс-секретарь столичной полиции, Тим Эйкен, молодой психолог-криминалист, и помощник комиссара Оукли, величаво восседавший во главе длинного стола. Оукли никогда не пытался скрывать своей неприязни к Эрике. Ей он напоминал холеную лису: в его тонких чертах сквозило коварство, а волосы стального цвета всегда были безукоризненно уложены. Правда, сегодня из-за жары он выглядел не столь холеным. Его обычно тщательно ухоженные волосы взмокли от пота; он был вынужден снять свой форменный мундир с эполетами, на которых были изящно вышиты знаки отличия его звания, и теперь сидел в рубашке с засученными рукавами.

Первой выступила Эрика, подробно рассказывая о ходе расследования.

– Выяснив, что убийца нанес предварительный визит в дом Грегори Манро, мои сотрудники стали просматривать записи с камер видеонаблюдения на железнодорожной станции Онор-Оук-Парк и в окрестностях. Работают круглые сутки: материала на несколько сотен часов. Повторно были опрошены жители Лорел-роуд. Никто не помнит, чтобы они видели представителя фиктивной компании «Дом под охраной». Ее не существует. Адрес электронной почты, указанный на рекламном листке, ложный; номер телефона – одноразовый, отследить невозможно.

Эрика обвела взглядом сидящих за столом, сознавая, что от ее выступления зависит, удастся ли ей сохранить в своем подчинении следственную группу. Она чувствовала большую ответственность, да еще в конференц-зале сломался кондиционер, и атмосфера была неуютно душной.

– Я активно изучаю подробности личной жизни Грегори Манро, – продолжала Эрика. – По моему мнению, он знал или прежде встречал нападавшего и, имея информацию о его личной жизни, мы могли бы установить личность убийцы. Но дело это сложное, и мне нужно больше времени.

– Шурин жертвы, Гэри Уилмслоу, тоже находится под следствием за другие преступления, которые расследуются в рамках операции «Хемслоу», – перебил ее Оукли. – Надеюсь, вы не намерены объединять эти два дела, и сотрудники, занимающиеся убийством Манро, не станут вмешиваться в ход операции «Хемслоу»?

– Нет, сэр. На этот счет даны четкие указания, – ответил Марш, многозначительно посмотрев на Эрику. Воцарилось молчание. Взгляды всех присутствующих обратились на Эрику. Марш перевел разговор на другую тему. – Что удалось выяснить относительно гей-порнографии, обнаруженной на месте убийства? Насколько я понимаю, Грегори Манро загрузил в свой мобильный некое приложение для геев?

Этот вопрос Эрика с Маршем уже обсуждали. Она поняла, что он задал его для Оукли.

– Да, сэр. На месте преступления были найдены порножурналы для геев, и он загрузил в свой телефон «Грайндр», но не активировал его. В приложении нет ни контактов, ни сообщений, – ответила Эрика.

– Значит, жертва, возможно, имел гомосексуальные наклонности и тайком встречался с мужчинами? – заключил Оукли.

– Не считая нескольких потрепанных порножурналов для геев, нет никаких доказательств того, что Грегори Манро был подвержен гомосексуальным порывам, – возразила Эрика.

– Почему вы не подумали о том, чтобы проверить места сборищ гомосексуалистов в Лондоне? Общественные туалеты? Парки? – давил Оукли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию
(<https://www.litres.ru/robert-bryndza-12646976/nochnoy-ohotnik/?lfrom=362673004>)
на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

У. Шекспир. «Макбет». Акт III, сцена 2. Перевод М. Лозинского. – Здесь и далее примеч. пер.

2

«Край надежды и славы» (Land of Hope and Glory) – название и первая строка английской патриотической песни композитора Э. Элгара на слова Ф. Бенсона. Исполняется в торжественных случаях.

3

П р о б а ц и я – вид уголовного наказания в Великобритании и США, которое заключается в наложении определенных ограничений на осуществление осужденным своих прав и свобод и назначении специального надзора за его поведением. Пробация служит альтернативой лишению свободы и, как правило, назначается за совершение незначительных по степени тяжести преступлений. В России функцию пробации выполняет условное осуждение.

4

Сотрудник по связям с родными – в британской полиции специально обученный сотрудник, через которого происходит всякое взаимодействие следственной группы с семьей потерпевшего в особо тяжелых случаях при расследовании убийств и похищений. Полиция Лондона также прибегает к помощи этих людей в случае терактов и стихийных бедствий.

5

В Великобритании по закону тот, кто претендует на получение пособия по безработице, обязан работать менее 16 часов в неделю. Это одно из условий. Другие: возраст соискателя – старше 18 лет и младше пенсионного возраста; соискатель не обучается по полной образовательной программе; соискатель проживает в Англии, Шотландии или Уэльсе.

6

«Грайндр» (Grindr) – приложение, обеспечивающее доступ к геосоциальной сети для геев и бисексуальных мужчин.

7

Alphaville – немецкая синтипоп-группа, имевшая большую популярность в середине 1980-х гг. Образовалась в 1982 г. Группа получила мировую известность благодаря двум хитам – Big in Japan и Forever Young, вышедшим в 1984 г.

8

Премия «Кинжал» (Dagger Award) – премия британской Ассоциации писателей-криминалистов, основанной в 1953 г. Джоном Криси.